

КНИГА ДЛЯ ВСѢХЪ

№ 70.

Гр. Ал. Ник. ТОЛСТОЙ

ПРЕКРАСНАЯ ДАМА.
ПОДЪ ВОДОЙ.

БЕРЛИНЪ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МЫСЛЬ»

Издательство „Мысль“
Verlag „Mysl“ G.m.b.H., Berlin, Friedrichstr. 204.

ОБЩЕДОСТУПНАЯ БИБЛИОТЕКА
КНИГА ДЛЯ ВСѢХЪ

№ 1. Изъ русскихъ поэтовъ. (Бальмонтъ, Брюсовъ, Блокъ, Сологубъ, Мережковскій).

№ 2-3. Поэзія большевистскихъ дней. (Блокъ, Эренбургъ, Есенинъ, Каменскій и др.).

№ 4. Л. Толстой. Алеша Горшокъ. — Послѣ бала. — Что я видѣлъ во снѣ. — Отъ ней всѣ качества.

№ 5. Ф. Достоевскій. Чужая жена и мужъ подъ кроватью.

№ 6. И. Крыловъ. Избранныя басни.

№ 7. Гр. Ал. К. Толстой. Исторія Россіи отъ Гостомысла. — Сонъ статскаго совѣтника Попова. — Потокъ - богатырь.

№ 8. Ив. Шмелевъ. Сладкій мужикъ. —

№ 9-10. Гр. Ал. К. Толстой. Смерть Іоанна Грознаго.

№ 11. Ф. Достоевскій. Скверный анекдотъ.

№ 12. Тэффи. Сокровище земли.

№ 13. Н. В. Гоголь. Петербургскіе рассказы.

№ 14-15. А. С. Пушкинъ. Исторія пугачевского бунта.

№ 16. А. М. Дроздовъ. Распятіе.

№ 17. Изъ русской лирики. (А. Бѣлый, З. Гиппіусъ, С. Городецкій, М. Лохвицкая, Игорь Сѣверянинъ.)

КНИГА ДЛЯ ВСѢХЪ

№. 70.

Гр. Ал. Ник. ТОЛСТОЙ

Прекрасная дама.

Подъ водой.

Издательство „МЫСЛЬ“

БЕРЛИНЪ

1922.

Прекрасная дама.

Пакетъ, содержащій тайныя, чрезвычайной важности, военные документы, былъ переданъ офицеру главнаго штаба Никитѣ Алексѣвичу Обозову, и передача документовъ и посылка Обозова произошли въ тайнѣ.

Никита Алексѣвичъ былъ холостой, тридцати трехлѣтній строгій къ себѣ и къ подчиненнымъ, заслуженный офицеръ. Въ полку его звали «Дуничкой», и это названіе скорѣе подходило къ его сѣрымъ строгимъ, порой мечтательнымъ, глазамъ, къ красивому, художественному лицу: онъ былъ воздержанъ, особенно за послѣдніе годы, очень силенъ, средняго роста, и чуть чуть прихрамывалъ отъ прошлогодней раны въ бедро.

Порученіе — долгая и опасная поѣздка за границу — обрадовало его; штатское платьѣ, зеленый на трехъ языкахъ паспортъ, чемоданъ, бойко подъ конецъ укладки щелкнувшій ключикомъ — все это были вѣстники будущихъ дней (они наступятъ — это ясно, когда въ рукѣ пледъ и чемоданъ), вѣхи на пути, едва приступающемъ въ туманѣ. Ничто, ничто не заставляетъ такъ чувствовать грядущее, какъ путь черезъ новыя страны: тогда человѣкъ, увѣренно и реально, живетъ тѣмъ, что будетъ, и въ этомъ волнующая прелесть юности и путешествій.

Рано утромъ Никита Алексѣвичъ пріѣхалъ

на вокзалъ, выпилъ кофе съ теплой булочкой. Не беря носильщика, занялъ купэ перваго класса и сейчасъ-же разложился.

Пакетъ лежалъ сначала въ чемоданѣ; затѣмъ, когда поѣздъ отошелъ, Никита Алексѣевичъ переложилъ парусиновый мѣшочекъ въ боковой карманъ пиджака, прикрѣпилъ его тамъ англійскими булавками и съ удовольствіемъ растянулся на бархатной койкѣ. Подъ бокомъ лежали дорожныя книги и журналы; онъ перелистывалъ ихъ, курилъ и, поглядывая въ окошко, предчувствовалъ дни, когда нѣскольکو странъ и тысячи людей проплывутъ передъ глазами.

Экспрессъ летѣлъ мимо дачъ, хвойныхъ лѣсовъ и моховыхъ болотъ, еще покрытыхъ снѣгомъ. Въ назначенныя часы въ вагонѣ появлялся лакей, приглашая къ столу. Пассажиры, придерживаясь за шаткія стѣны, брели въ ресторанъ. На площадкахъ рѣзкій вѣтеръ крутилъ снѣжную пыль. Никита Алексѣевичъ садился въ углу вагона-ресторана за столикъ и оглядывался.

Вотъ семейство простоватыхъ англичанъ, съ тремя бѣлокуроыми дѣвочками и няней-японкой, — семья ѣдетъ изъ Владивостока третью педѣлю. Вотъ четыре чернобородыхъ француза, низенькіе, съ благородными лбами и голосами, надтреснутыми печалью; они спросили бутылку краснаго вина, и, гутируя, причмокиваютъ. Затѣмъ огромный, бритый шведъ — директоръ предпріятія; добродѣтельные финны изъ Гельсингфорса; скуластый купчикъ-москвичъ, ѣдущій за товаромъ въ Халанду и напустившій европейскаго вида съ явнымъ ущербомъ для своего самолюбія; широкоплечій, угрюмый юноша въ вязаномъ колпакѣ, который носятъ лыжники; и еще нѣскольکو неясныхъ, сѣрыхъ лицъ. Были и женщины, конечно, но въ нихъ Никита Алексѣевичъ

старался не вглядываться: въ некрасивыхъ — не находилъ основанія, а красивыхъ боялся.

Съ женщинами счеты у него были трудныя. Въ юные годы онъ мечталъ издалека о знаменитой куртизанкѣ Машѣ Хлѣбниковой, милой и прелестной женщинѣ, не пожелалъ приблизиться къ ней, хотя и были случаи, считалъ красоту ея поруганной, молился о ней въ церкви, переносилъ издѣвательства товарищей-юнкеровъ, и это двойное чувство отразилось на всей его жизни. Любовь казалась ему сложнымъ, почти непосильнымъ, предпріятіемъ, и онъ съ отвращеніемъ относился къ «знатокамъ», которые, довольствуясь немногимъ, находятъ въ каждой женщинѣ одно и только то, что имъ удобно и нужно.

Давеча на вокзалѣ, спѣша съ чемоданчикомъ къ своему вагону, Никита Алексѣевичъ мимоходомъ примѣтилъ высокую даму, въ изящной бархатной шубкѣ. Ея небольшая шляпа, съ черными крылышками, сбилась на бокъ. Дама казалась разсерженной, невыспавшейся и есорилась съ кондукторомъ.

На пути онъ опять встрѣтилъ ее въ сосѣднемъ вагонѣ, затѣмъ на площадкѣ, гдѣ она боролась съ вѣтромъ, придерживая шляпку и шубу, и, наконецъ, увидалъ ее у окна около своего купэ. Касаясь лакированной рамы плечомъ, дама глядѣла, какъ скользятъ мимо снѣжныя поля, деревья, столбы, домики. Ея узкое лицо, обращенное къ унылымъ равнинамъ, казалось печальнымъ. Открытая шея тонка и нѣжна. На отворотахъ вязаной шелковой кофточки выпущено кружево.

Сидя въ углу купэ, Никита Алексѣевичъ видѣлъ ея затылокъ съ поднятыми пышными волосами, цвѣта каштановъ, ея спину, вздрагивающую отъ толчковъ поѣзда, ловкую суконную юбку, касающуюся высоко зашнурованныхъ лаковыхъ башмаковъ. И когда ему,

наконецъ, показалось необходимымъ знать, куда и зачѣмъ она ѣдетъ одна въ это тревожное время, Никита Алексѣевичъ спохватился и, вытащивъ изъ-подъ себя томикъ какихъ-то приключеній, погрузился въ чтеніе.

Въ дверь купѣ изъ окна проникалъ свѣжій воздухъ, и вдругъ запахло духами, горьковатыми и пѣжпыми. Обозовъ увидѣлъ складки еишей юбки, волнующейся подъ давленіемъ ногъ. Опъ вновь перечелъ первую страницу. Дама стояла теперь прямо у окна, спиной къ двери.

Тогда онъ вышелъ на площадку и тамъ на вѣтру, въ снѣжной пыли, поджалъ губы и сознался, что струсилъ и взволнованъ, хотя и тридцать три года, и опытъ, и выдержка. Опъ вернулся въ вагонъ съ намѣреніемъ хорошенько разсмотрѣть странную даму, можетъ быть даже заговорить, если нужно, но ни подъ какимъ видомъ не унижать себя стояніемъ на площадкѣ, молчаливымъ волненіемъ. Но дамы уже не было у окна. За завтракомъ она не появлялась.

Сейчасъ, ожидая на угловомъ столикѣ вагона-ресторана, когда космополитъ въ синемъ фракѣ и гуттаперчевомъ галстукѣ, поднесетъ ему поднось съ ѣдой, Никита Алексѣевичъ чувствовалъ себя покойно и радостно. Нѣтъ большаго счастья, какъ послѣ трудовъ разлѣниться на мягкихъ подушкахъ вагона, въ отдохновеніи и бездѣлїи слѣдить за людьми, за маленькими ихъ волненіями, за странами, проплывающими мимо окна. Все кажется немного не-настоящимъ, а люди — добрыми. Сейчасъ, почему-то особенно остро, Никита Алексѣевичъ припомнилъ одно поле, вскопанное и мерзлое, съ гуляющимъ по нему ледянымъ вѣтромъ; корявыя спины солдатъ за бугорками; песокъ и ледяная пыль рѣжутъ глаза; одинокіе выстрѣлы, бездолье, скука, ожиданіе

ночи и нескончаемыя вереницы тяжелыхъ, какъ горы, облаковъ. Самое скверное было то, что на этомъ полѣ ничего не случилось, кромѣ смерти; о ней привыкли такъ же не размышлять, какъ не думаютъ о дыханіи. Ходили немытые, не мѣняли бѣлья. Заваливаясь на сутки въ окопъ, дремали тамъ безъ дѣла, курили папиросы. Это была ужасная спячка, между двумя крупными боями. Человѣкъ казался придавленнымъ послѣднимъ униженіемъ, нищимъ и мерзлымъ, какъ земля.

Никита Алексѣевичъ вздрогнулъ и быстро повернулъ отъ окна лицо, поблѣднѣвшее отъ раздумья: у столика стояла прекрасная дама и въ третій разъ, уже съ улыбкой, спрашивала, можетъ ли она занять мѣсто напротивъ.

Никита Алексѣевичъ вскочилъ, пододви-нулъ ей стулъ, смутился своей поспѣшности, сѣлъ опять и, наконецъ, вспомнивъ давнешнее рѣшеніе, прямо взглянулъ дамѣ въ глаза. Она отвѣтила взоромъ почти мрачнымъ темно-сѣрыхъ глазъ. На мгновеніе закружилась голова, и точно исчезъ весь этотъ вагонъ, гдѣ трещали голоса, надъ бутылкой чмокали французы и дымилъ шведъ сигарой.

Затѣмъ дама сказала:

— Вы ѣли рыбу, не опасно?

Голосъ ея былъ низкій, почти суровый. Никита Алексѣевичъ отвѣтилъ съ готовностью:

— Рыба превосходная, треска.

И подвинулъ блюдо. Она поблагодарила. А онъ принялся думать, что еще можно сказать о трескѣ: рыба эта большими массами плыветъ на сѣверъ въ теплыхъ водахъ Гольфштрема, огибаетъ сѣверъ Норвегіи и быстро растетъ; у Мурмана она достигаетъ чудовищныхъ размѣровъ...

Дама перебила его мысли:

— Я — русская по фамиліи и по рожденію, но бѣгу изъ Россіи, какъ отъ чумы, — и под-

Никита Алексѣевичъ, усмѣхнувшись, спросилъ: «Отчего такъ?» Затѣмъ наклонился и назвалъ себя. Дама продолжала:

— Мое имя — Людмила Степановна Павжинская. Вы спрашиваете, почему я бѣгу. — Откинувъ голову, она глядѣла на собесѣдника, словно оцѣнивая, достоинъ ли онъ откровенности. — Я ненавижу русскихъ, правда, правда, — и она засмѣялась, держа недонесенный до рта кусочекъ хлѣба.

Ея испытующій взглядъ, странное начало разговора, затѣмъ смѣхъ, умный и невеселый, словно намѣтили сложность ея духа. Никита Алексѣевичъ такъ это и воспринялъ и насто-рожился, покусывая губы.

— Мое эстетическое чувство оскорблено, — говорила дама, — если я люблю красоту, поэзію, картины, мраморъ, музыку, — то я прежде всего хочу любоваться людьми. Меня раздражаетъ мысль, что гдѣ-то на землѣ, въ эту минуту, ходятъ великолѣпные люди. А я въ Москвѣ принуждена ежедневно видѣть нѣчто неуклюжее, слабое, съ желтой бородкой, въ очкахъ, со слабительными лепешками въ жилетномъ карманѣ, существо развинченное нравственно, съ несвѣжимъ бѣльемъ и визгливымъ голосомъ, ежеминутно наклонное къ истерикѣ и при этомъ либеральное. Жить въ такой странѣ? Нѣтъ, я уѣду въ Америку.

— Будто вы тамъ найдете людей!

— Людей изящныхъ и смѣлыхъ, перваго сорта, ужъ, конечно, не такихъ, какъ въ Россіи.

— И у насъ водятся изящные и смѣлые люди.

— Ахъ, полноте, у насъ все ничтожно, какъ въ лакейской, все, какъ на баринѣ, только похуже, съ пунцовымъ галстухомъ, со скуластой рожей. Будемъ искренни: наша съ вами страна — нелѣпый курьезъ, случайность...

Никита Алексѣвичъ сдержался, краска хлынула и отлила отъ лица его. Опустивъ глаза, онъ проговорилъ:

— Разговоръ мнѣ, простите непріятель, — и, когда дама удивленно повернулась къ нему добавилъ: — Я былъ на войнѣ и видѣлъ замѣчательныхъ людей. Я видѣлъ безконечно утонченныхъ людей и мужественныхъ въ то же время. Многіе, многіе, за эти года перемѣнили шкуру. Послѣ войны въ Россіи начнется новый вѣкъ. Ваша ненависть не по адресу.

Онъ зажегъ папиросу. Обѣдъ кончился, и крылья вентилятора разгоняли надъ головой табачный дымъ. Иногда за спущенными шторами въ темнотѣ ночи разстилался унылый, длинный свистъ поѣзда.

Никита Алексѣвичъ замѣтилъ, что дамѣ тсчно немоглось. Медленно отряхивая пепель съ египетской папиросы, она сидѣла, положивъ ногу на ногу, оглядывая мрачнаго юношу въ лыжномъ колпачкѣ, финновъ, опять чѣмъ то уязвленнаго купчика, шведа, на толстомъ лицѣ котораго послѣ ѣды отразились всѣ сто тысячъ годового дохода, — и углы красивыхъ губъ Людмилы Степановны приподнимались презрительной усмѣшкой.

Вскорѣ они перешли въ вагонъ и молча стояли въ проходѣ, гораздо болѣе далекіе, чѣмъ до перваго разговора.

Людмила Степановна чутьемъ поняла это и равнодушіе своего собесѣдника. Онъ стоялъ, заложивъ повоенному большой палецъ за пуговку жилета, и глядѣлъ на завитушку прессованныхъ обоевъ. Ротъ его уже нѣсколько разъ силился сдержать зѣвокъ. Толстая, опрятная женщина-проводникъ — принесла бутылочки съ виши и поставила противъ cadaго купэ. Въ концѣ прохода пріотняла высокія брови.

крылась паружная дверь, возникло морозное облако, и на мгновение появилось обвѣтренное лицо юноши въ лыжномъ колпакѣ. Людмила Степановна посмотрѣла на ручные часы (было безъ пяти десять), поставила маленькую погу на рѣшотку шелкающаго отопления и сказала негромко, со вздохомъ:

— Миѣ хочется, чтобы вы простили меня: вы первый, кто при миѣ не позволилъ ругать Россію. Я тоже бы всякаго оборвала. Но мы такъ разнузданы. Отъ вашего рѣзкаго слова миѣ стало вдругъ тепло.

— Ну, и вы меня простите за рѣзкость, — отвѣтилъ Никита Алексѣевичъ добродушно. А вы въ самомъ дѣлѣ въ Америку ѣдете?

— Я подписала контрактъ на тридцать симфоническихъ концертовъ.

— А, это другое дѣло, а я думалъ...

— Что вы думали? — спросила дама немного слишкомъ поспѣшно.

— Что вы такъ... для забавы...

— Я — одинокій человекъ, — помолчавъ, проговорила Людмила Степановна и опустила глаза, — миѣ тоскливо подолгу жить на одномъ мѣстѣ. Женщинѣ въ тридцать лѣтъ, безъ семьи и привязанностей, очень трудно. — Она передернула плечами. — Какъ холодно, я плохо сплю въ дорогѣ. А вы меня расстрожили, ужъ не знаю чѣмъ. Я буду думать всю ночь, — она грустно улыбнулась, — хотите сдѣлать доброе дѣло? Пожертвуйте миѣ нѣсколько часовъ, пойдемте.

Она открыла купэ, гдѣ сильно пахло духами, висѣла шубка и въ сѣткѣ лежалъ крошечный чемоданъ, — весь ея багажъ, — усадила Никиту Алексѣевича на бархатный диванъ, сама сѣла у окна на столикъ, охватила поднятое худое колѣно и сказала:

— Можете курить и дремать...

Это было сказано хорошо. Послѣ этого

они молчали довольно долго. Щелкало отон-
леніе. Стучали колеса: «Путь далекъ, путь
далекъ». Никита Алексѣевичъ слѣдилъ за си-
зою струйкой дыма, потомъ за женской ногой,
тонкой въ щиколоткѣ, затутой въ черныи чу-
локъ, покачивающейся близъ его лица, и ему
стало грустно и довѣрчиво.

— Мы оба холостяки, — сазаль онъ, —
прожили полжизни и встрѣтились, точно воз-
никли изъ небытія, а черезъ день исчезнемъ
другъ для друга, какъ два перекасти-поля. А
что можетъ быть ближе и нужнѣе, какъ чело-
вѣкъ челоуку? Я когда-то надѣялся... Да,
что тамъ... Правда, самая грустная вещь на
свѣтѣ — короткая встрѣча въ пути.

Онъ взглянулъ на Людмилу Степановну.
Нагнувъ къ нему голову, она слушала внима-
тельно, встревоженно. Полуприкрытый пря-
дью волосъ лобъ ея наморщился.

— Бываютъ минуты, которыхъ не забудешь
во всю жизнь, — проговорила она медленно.

— Не знаю, не испытывалъ. Вотъ юноше-
скія бредни не забываются, вы правы.

— Нѣтъ, нѣтъ. Минуты безумія, страсти,
палетѣвшей, какъ вихрь...

Тогда Никита Алексѣевичъ поморщился:
«Эхъ, что она какъ выражается», и вдругъ,
будто догадавшись, опустилъ глаза и по-
краснѣлъ. Дама соскользнула со столика.
Онъ не видѣлъ, что она дѣлала, услышалъ
только нѣсколько легкихъ вздоховъ и крѣпко
сжалъ губы. Такъ онъ могъ «выдержать ка-
кую угодно атаку». Ясно, что бесѣда соско-
чила съ плавнаго хода и все чувства рину-
лись къ ближайшему выходу, наиболѣе про-
стому и короткому, за которымъ — пустота,
равнодушіе, досада, мерзкая усталость. За-
тѣмъ онъ поднялъ глаза. Людмила Степанов-
на стояла у стѣнки, заложивъ руки за спину.

— Вы очень пугливы, — сказала она.

— Да, вы правы.

— Поблѣднѣли отъ шороха юбки. Бѣдняжка.

— Если бы вы мнѣ не правились, я бы не поблѣднѣлъ.

— Я вамъ нравлюсь? Странно. А мнѣ показалось, что вы предположили во мнѣ большую пастойчивость и струсили, — она надвинула брови на сердитые глаза и постучала каблучкомъ. — Увѣряю васъ, что вы ошибаетесь.

— Вотъ именно этого я боялся,—проговорилъ Никита Алексѣевичъ поспѣшно. — Я прошу очень, очень извинить меня.

— За что? Вы, кажется, вели себя на-рѣдкость скромно.

— Разумѣется, дѣло не въ поступкахъ. — Съ трудомъ, выражаясь туманно, онъ проговорилъ: — Съ женщинами надо быть очень осторожнымъ. Когда приближаешься къ женщицѣ внезапно — тысяча мелкихъ соблазновъ начинаетъ отвлекать отъ самаго главнаго, застилать глаза густымъ чадомъ. И, вмѣсто любви истинной и роскошной, радости такой совершенной, что нѣтъ ей равнаго въ природѣ, получается почти то же самое, но мгновенное, какъ холодный потъ; тотъ же поцѣлуй, но мертвый; та же почти ласка, но ложь. Вотъ что страшно. А любовь — въ отдачѣ всего себя, въ забвеніи такомъ же полномъ, какъ смерть. Я все это пережилъ, перечувствовалъ на одномъ мерзломъ полѣ, гдѣ валялся въ канавѣ пять недѣль. Тамъ существовало только одно, — смерть. Я не хотѣлъ помириться съ ней, но, казалось, не было ничего столь же могущественнаго и вѣчнаго. Даже память моя стала тлѣніемъ, потому что обнажила мишуру на томъ, что волновало когда-то «безумными мгновеніями». И тамъ я много разъ пожалѣлъ, что не люблю. Мой пріятель, лежавшій рядомъ, прапорщикъ, былъ влюбленъ въ

дѣвушку, которую, съ его словъ, мы всѣ звали Милочка. И онъ не замѣчалъ ни мерзлаго поля, ни пушекъ, ни бомбъ. Онъ презиралъ ихъ, не хотѣлъ думать о смерти. Онъ говорилъ: «Мнѣ кажется, — вотъ это тѣло лишь маленькое ядрышко въ другомъ моемъ невидимомъ и огромномъ тѣлѣ. Это ядрышко я поддерживаю консервами, чаемъ и табакомъ, а все тѣло мое до тѣхъ поръ томилось и голодало, покуда я не встрѣтилъ Милочку. Теперь, въ сущности, я, котораго ты видишь, съ головой, руками и животомъ, почти не нуженъ. Конечно, умирать не охота, но не страшно, пойми ты меня, когда главное теперь не умереть, когда люблю». Его ранили, увезли, очень былъ доволенъ.

Никита Алексѣевичъ долго рассказывалъ про войну, о товарищахъ, о себѣ. Людмила Степановна сидѣла рядомъ. Онъ положилъ ладонь на ея руку. Когда же она прислонилась къ его плечу головой,—замолкъ съ улыбкой, осторожно поднялся и, проговоривъ, — «я васъ утомилъ, спите, спите», на цыпочкахъ вышелъ изъ купэ.

Дверь за нимъ задвинулась. Людмила Степановна открыла глаза, сжала кулачекъ и ударила въ ярости по бархатной подушкѣ.

Въ полночь къ ней вошелъ широкоплечій юноша, въ колпачкѣ, сѣлъ на диванъ, уперся огромными башмаками въ стѣну и, закутавшись дымомъ изъ трубки, сказалъ:

— Надо бы порасторопнѣе.

Людмила Степановна смолчала. Оправляя волосы высоко поднятыми руками, она держала шпильки въ зубахъ, и сонные глаза ея и щеки казались увядшими, а всѣ движенія рѣзкими и злыми. Задѣвъ локтемъ юношу, она прошипѣла сквозь шпильки:

— Вы мнѣ мѣшаете. Уходите съ трубкой. Онъ отодвинулся и, лѣниво спрятавъ трубку въ карманъ, сказалъ:

— Надо все дѣло кончить до границы. Мнѣ будетъ трудно переходить. Вы рискуете ѣхать дальше одна.

— Перейдете. Я одна не поѣду. Вамъ это извѣстно лучше меня.

— Ну-съ, а если подстрѣлятъ?

Людмила Степановна дернула плечами. Послѣ нѣкотораго молчанія юноша спросилъ еще лѣнивѣе:

— Что же, вы ему не нравитесь, что ли?

Тогда дама пришла въ ярость. Волосы ея разсыпались, лицо передернулось и стало безобразнымъ. Съ прекрасныхъ губъ посыпались бессмысленныя фразы, запосчивыя, то жалкія, то мстительныя. Юноша, боясь шума, выскользнулъ изъ купэ.

На площадкѣ, раскуривъ трубку, онъ прислонился къ желѣзному столбику; вѣтеръ и снѣгъ рѣзали его квадратное, твердое лицо; прищуренные глаза различали въ неясной мглѣ ровныя, бѣлыя поля, темные конусы чахлахъ елей; на сѣверѣ надъ землей разливался мертвый ночной свѣтъ.

Черезъ нѣсколько минутъ на площадку вышла Людмила Степановна, закутанная въ шубку и платокъ. Морщась, она сказала:

— Его дверь закрыта изнутри на цѣпочку. Онъ остороженъ.

Юноша заслонилъ даму отъ вѣтра, и они начали совѣщаніе.

А Никита Алексѣевичъ спалъ долго и крѣпко. Видѣлись ему, кажется, хорошіе сны, но поутру ничего не припомнилъ. Одѣваясь, онъ съ улыбкою снялъ съ пуговицы пиджака свѣтлый женскій волосъ. Какъ хорошо, что

вчера все обошлось благополучно. Иначе бы сидѣлъ сейчасъ съ растрепанной головой, курить папирсы, думалъ: «Ахъ, чортъ, какъ это такъ все глупо вышло»... Сейчасъ было сознание, хоть и маленькой, но побѣды. Голова ясная, всѣ мускулы напряжены, сердце бьется ровно и сильно. И впереди нѣсколько дней прелестной близости, бесѣдъ, въ которыхъ съ каждымъ словомъ открываются новыя заслоночки въ человѣкѣ. Утро было морозное и солнечное.

Но за весь этотъ день Никитѣ Алексѣевичу мало удалось видѣть прекрасную даму. Она встрѣтила его утомленная, подъ вуалью, въ шапочкѣ съ крылышками, сказала, что очень беспокоится о багажѣ и страдаетъ мигренью. Дѣйствительно, на пограничномъ вокзалѣ она сидѣла за клеенчатымъ столомъ среди пассажировъ, сундуковъ, свертковъ и грязныхъ тарелокъ, такая печальная, такъ подпирала кулачкомъ щеку, что Никитѣ Алексѣевичу стало ее жаль. Онъ глядѣлъ на нее издали и думалъ, — «ѣдетъ въ Америку, но, по всей вѣроятности, вретъ; болятъ всѣ нервы и потру прячетъ лицо; говоритъ пошлости, а глаза мрачные; и нельзя ее ни приласкать, ни успокоить, потому что и сама она не захочетъ ни ласки, ни успокоенія; а кончитъ или въ сумасшедшемъ домѣ, или отравится отъ злости подъ сорокъ лѣтъ».

Ему очень хотѣлось подсесть и заговорить, но мѣшали суета съ багажомъ, паспортами, затѣмъ переѣздъ на санкахъ черезъ границу, осмотръ. Въ седьмомъ часу его вещи перенесли въ низенькій и теплый ресторанчикъ близъ шведскаго вокзала. Здѣсь было чисто, бѣло, пахло краской, на спиртовкѣ варился кофе и шипѣлъ, какъ шмель, керосиновый фонарь подъ низкимъ потолкомъ. За переплетомъ квадратныхъ оконъ простиралась поляр-

ная ночь. Подъѣзжали на санкахъ пассажиры. Никита Алексѣвичъ надвинулъ шапку и вышелъ. У края земли на сѣверѣ мерцаль свѣтъ. Тонкій и мертвенный, онъ охватилъ звѣздное небо голубоватымъ секторомъ. Выше его горѣли ясныя созвѣздія. Морозный, едва свѣтящійся, снѣгъ покрываль ровныя поля съ чернѣющими зубцами елей. Все это казалось мертвымъ, точно бывшимъ когда-то, и въ этой темной пустынѣ онъ ясно чувствовалъ, какъ бьется комочекъ живого сердца. Невдалекѣ заскрипѣлъ снѣгъ. Никита Алексѣвичъ взглянулъ: изъ неяснаго сумрака выскользнулъ на лыжахъ высокій человекъ, въ фуфайкѣ и колпакѣ, пролетѣлъ мимо и скрылся за низкимъ строеніемъ. Лица его не было видно, только блеснули зрачки.

«Что бы это значило? — подумаль Никита Алексѣвичъ, припоминая блеснувшіе, словно кошачьи, глаза, — какое странное освѣщеніе!» Потомъ ему стало казаться, что жизнь у Людмилы Степановны пустынная и лютая, какъ эта равнина, и ея жалкое сердчишко въ тоскѣ трепещеть смерти. И что онъ, Никита Алексѣвичъ, за такой герой, чтобы уберегать ее отъ соблазновъ. Онъ жестоко обидѣлъ ее вчера, прочель мораль, и пожелаль спокойной ночи съ глубочайшимъ своимъ превосходствомъ!

Онъ даже крякнулъ и полѣзъ въ карманъ за папиросами. Теперь мысли его словно бродили тревожно вокругъ чего-то неисполненнаго. Позади хлопнула дверь и отъ желтоватаго свѣта, льющагося сквозь квадратное окно ресторана, отдѣлилась женская фигура. Никита Алексѣвичъ широко зашагалъ ей навстрѣчу.

— Возьмите лѣвѣе, — крикнулъ онъ, — здѣсь сугробъ, и, подойдя къ Людмилѣ Степановнѣ, взялъ ея еще теплую руку безъ пер-

чатки и поцѣловаль. Она стояла совсѣмъ близко, довѣрчиво, поднявъ къ нему лицо.

— Я васъ искала, — проговорила она тихо.

Онъ глядѣль, какъ на ея печальномъ и тонкомъ лицѣ лежалъ отблескъ сѣвернаго сіянiя. Большіе глаза окружены тѣнью и въ зрачкахъ — искорка звѣздъ. Она показалась ему чудесной. Ея маленькая рука неподвижно лежала на рукавѣ его шубы.

— Милая, бѣдняжка, — сказалъ Никита Алексѣевичъ.

Ея лицо не измѣнилось. Прелестный ротъ былъ серьезень. Онъ наклонился и поцѣловаль ее въ губы. Она вздохнула. Сѣрый мѣхъ ея шубки былъ пріоткрытъ, видна шея и ниточка жемчуга. Никита Алексѣевичъ осторожно застегнулъ ея воротникъ и повторилъ: — «Бѣдняжка!» Вдалекѣ протяжно и уныло засвистѣль поѣздъ.

Снова лежа въ купѣ, съ горячей темно-синей лампочкой надъ койкой, Никита Алексѣевичъ повторяль черезъ нѣкоторое время:

— Волшебство. Колдовство!

Давеча на снѣгу не сказано было больше ни слова: стояли молча, точно во снѣ, куда не пришли носильщики. Сейчасъ Людмила Степановна, должно быть, спить. Всѣ мысли и чувства Никиты Алексѣевича въ необыкновенномъ напряженіи сосредоточились на этой, спящей за стѣнкой, чужой ему женщинѣ. Это ли было не колдовство:

Неожиданно онъ вскочилъ, распаковаль чемоданъ, вынулъ бритву и побрился. Спать ничуть не хотѣлось. Припомнилась строчка: «Любви роскошная звѣзда, ты закатилась навсегда. О, мой Ратмиръ». Онъ повторяль ее; наконецъ, застегнулъ жилетъ и вышелъ въ

корридоръ. Поѣздъ стоялъ на первой остановкѣ у маленькой, занесенной снѣгомъ, станціи, гдѣ вдоль вагоновъ прохаживался солдатъ въ бѣломъ козьемъ воротникѣ и такихъ же наушникахъ, похожій на куклу. На перронъ изъ-за снѣжныхъ елей быстро вышелъ широкоплечій человекъ въ фуфайкѣ, взглянулъ на окно и прыгнулъ въ вагонъ. У него были тѣ же глаза, что у давешняго лыжника, и вообще лицо страшно знакомое. «Странно», — подумалъ Никита Алексѣевичъ, потрогалъ парусиновый пакетъ на груди и вновь почувствовалъ нелѣпую, смѣшную радость.

Среди ночи онъ нѣсколько разъ просыпался и повторялъ: «Любови роскошная звѣзда!», ударялъ кулакомъ въ подушку и со смѣхомъ засыпалъ вновь. Однажды различилъ злой мужской голосъ, упрекавшій кого-то въ медлительности и трусости. «Континентъ, Континентъ»... — повторялъ голосъ и, наконецъ, расплылся, смѣшался со стукомъ колесъ.

Какъ сонъ промелькнулъ весь слѣдующій день. Людмила Степановна была молчалива и особенно трогательна какой-то почти робкой покорностью. Когда Никита Алексѣевичъ звалъ ее къ завтраку, она отвѣчала: «Хорошо», и сейчасъ же шла впереди него, придерживая накинутую шубку. Нѣсколько разъ онъ ловилъ ея пристальный, недоумѣвающий взглядъ, и сейчасъ же она отводила глаза съ испугомъ, точно пойманная. Никита Алексѣевичъ чувствовалъ себя пристыженнымъ, безконечно взволнованнымъ, и подробно рассказывалъ о превосходствѣ конной артиллеріи передъ полевой.

Поѣздъ летѣлъ въ лѣсистыхъ горахъ, покрытыхъ снѣгомъ. За окномъ ресторана проплывали красные домики изъ ибсеновскихъ пьесъ, обмерзшіе водопады, черныя стѣны лѣса, мосты...

Людмила Степановна взглянула на росписание (черезъ нѣсколько минутъ должна быть остановка), прижалась къ стеклу и проговорила:

— Вонъ на горѣ краснѣетъ крыша. Прожить въ томъ домикѣ до весны... Быть можетъ, вамъ покажется страннымъ, но я очень люблю уединеніе, снѣгъ, чистыя комнаты. Никто такъ и не догадался использовать меня, какъ хозяйку и добрую подругу.

Она покачала головой, глядя въ окно, и, спустя немного, поморщилась. Поѣздъ засвистѣлъ, подходя къ остановкѣ.

— И вы бы не соскучились въ уединеніи?— спросилъ Никита Алексѣевичъ.

Тогда съ ней произошло странное: она рѣзко повернулась къ сидящимъ въ вагонъ-ресторанѣ, затѣмъ отчаянно, точно не видя, взглянула въ глаза Никитѣ Алексѣевичу и низко наклонила голову, ища что-то въ сумочкѣ на колѣняхъ; волосы скрыли ея лицо.

— Выскочить тайно отъ всѣхъ, безъ багажа, остаться на зиму, безумство, конечно... — прошептала она.

Поѣздъ остановился. Беспорядочныя молніеносныя идеи овладѣли мозгомъ Никиты Алексѣевича. Но онъ продолжалъ сидѣть. За окошкомъ шведъ въ каракулевой шапкѣ съ бляхой поднялъ руку. Въ самый мозгъ вошелъ дикій свистъ паровоза. Поѣздъ тронулся. Людмила Степановна разжала руки и точно опустилаcь.

Затѣмъ они въ сотый разъ стояли въ проходѣ, сидѣли въ купѣ, произнося слова, не имѣющія никакого смысла, боялись своихъ движеній, прикосновеній рукъ. Никита Алексѣевичъ глядѣлъ на нее, не отрываясь, и все обольстительнѣе казался ему каждый ея волосокъ. Когда встрѣчались ихъ глаза, — про-

падалъ шумъ поѣзда и останавливалось время.

Мимо ихъ открытаго купэ проходилъ толстякъ, въ помятомъ мышинномъ жакетѣ. Взглянувъ на красивую даму, онъ неожиданно споткнулся, выронилъ сигару и сказалъ: «Виновать». Людмила Степановна ладонью закрыла глаза и засмѣялась. Никита Алексѣевичъ запахнулъ стеклянную дверь и дернулъ занавѣсъ. Она продолжала смѣяться. Тогда онъ притянулъ ее къ себѣ обнялъ и сталъ цѣловать. Она молча и вдругъ вскочивъ, сопротивляясь, воскликнула отчаянно:

— Только не это. Ради Бога. Не здѣсь. Не сейчасъ.— Лицо ея исказилось. Никита Алексѣевичъ взялся за голову и вышелъ изъ купэ; въ корридорѣ столкнулся съ кѣмъ-то, живо отскочившимъ; прошелъ къ себѣ и легъ ничкомъ...

Пробудила его увѣренность, что она здѣсь, и онъ быстро сѣлъ на койкѣ. У двери стояла Людмила Степановна, прижимая что-то объими руками къ груди; синій электрической ночникъ свѣтилъ надъ ея головой. Всѣмъ тѣломъ погянулся было къ ней Никита Алексѣевичъ, но тотчасъ опустилъ руки, — такой ужасъ появился въ ея мерцающихъ глазахъ.

— Что вы дѣлаете? — прошепталъ онъ, и вдругъ понялъ все, что произошло и сейчасъ, и за эти три дня. — Положите пиджакъ, — сказалъ онъ отрывисто; когда же она качнулась къ двери, быстро схватилъ ее за худую, безсильную руку у локтя и повторилъ хрипло:

— Вы съ ума сошли... Вы съ ума сошли...

Она бросила одежду:

— Я хотѣла только посмотреть... Миѣ не нужно... Я не могла иначе... Онъ приказалъ. Онъ не пожалѣетъ... Выдастъ. Убьетъ. Я ничего не трогала... Возьмите...

Она дрожала всѣмъ тѣломъ, глядя на Обозова, натягивающаго пиджакъ.

Затѣмъ онъ всталъ и замкнулъ дверь, сдѣлавъ это почти безсознательно, такъ же полѣзъ въ карманъ, вынулъ револьверъ, но тотчасъ опустилъ на мѣсто, проговоривъ:

— Вамъ придется вылѣзти на первой же станціи.

Она отвѣтила шопотомъ:

— Спасибо.

— Подождите, — рѣзко перебилъ онъ; — я васъ не пущу; сами понимаете, — не я, такъ другой попадется. Сидите. — И она сейчасъ же присѣла, продолжая глядѣть въ глаза. Тогда онъ, совсѣмъ уже не зная, для чего, спросилъ:

— Зачѣмъ вы вдали?

— Я не вдала. Я васъ люблю...

Это было неожиданно, дико, нагло. Обозовъ пробормоталъ:

— Не смѣйте говорить объ этомъ...

— Клянусь вамъ...

Она даже привстала чтобы всмотрѣться, и, понявъ, что онъ ничему теперь не повѣритъ, все же повторила чужимъ, невѣрнымъ голосомъ, что любить. Ему захотѣлось прибить ее, накричать, но даже горло перехватило отъ отвращенія. Тихимъ, точно соннымъ, голосомъ она проговорила:

— Ударьте меня или убейте, не все ли равно. Когда вы меня поцѣловали въ снѣгу, — я въ васъ влюбилась. Я васъ люблю два дня. Ни одинъ человекъ не былъ мнѣ такъ милъ. Я продажная, воровка и шпионка. Вы моей жизни не знаете. Но передъ вами я ни въ чемъ не виновата. Милый, любимый, страсть моя...

У нея стучали зубы.

— Что вы тамъ бормочите... Я запрещаю, слышите! Молчите, — крикнулъ онъ, сжимая кулакъ.

Людмила Степановна опустила голову, и онъ услышалъ звуки, точно глотала слюну...

— Вы не одни, съ вами спутникъ? — спросилъ онъ. — Она кивнула. — Вы должны были передать ему украденные документы? Опъ въ нашемъ поѣздѣ? Мальчишка въ вязаной шапкѣ? Я такъ и зналъ.

Онъ нарочно спрашивалъ громко, рѣшительнымъ голосомъ: дышать было нечѣмъ въ купэ. Отъ синяго, неяснаго свѣта Людмила Степановна, сидящая комочкомъ, казалась еще меньше и беззащитнѣе... Откашлявшись, онъ сказалъ:

— Я выйду, а вы тутъ посидите.

И, очутившись въ корридорѣ, сталъ вытираться платкомъ. «Ну, конечно, вретъ! И вздохи, и слезы, и тотъ дурацкій поцѣлуй! Просто — ловкая баба. Еще бы минутка—. И, Боже мой, непоправимо! Уфъ!..» Бормоча и спотыкаясь онъ пошелъ подальше отъ купэ. «Нѣтъ, матушка, съ такими какъ вы, не церемонятся... Другой бы прямо — бацъ изъ револьвера, потомъ — пожалуйста, вяжите меня, и былъ бы правъ».

Съ площадки неожиданно открылось Никитѣ Алексѣвичу изумительное зрѣлище; поѣздъ огибалъ крутой склонъ горной гряды, лежащей подковой, и глубоко внизу, куда отвѣсно падали скалы, разстилалось огромное и длинное озеро, залитое луннымъ свѣтомъ. Круглая луна невысоко висѣла надъ щетишстымъ хребтомъ; изгибы горъ чередовались черными и ослѣпительно-снѣжными планами.

Вдругъ вагонъ нырнулъ въ туннель, темнота ударила по глазамъ. Никита Алексѣвичъ невольно отшатнулся отъ желѣзной дверки открытой площадки, и въ это время крѣпкія руки сзади охватили его шею и съ силой пригнули внизъ.

Нападавшій былъ тяжелъ, мускулистъ,

сильно дышалъ, наваливаясь, и пальцы его съ бѣшеной торопливостью мяли и сдавливали горло. Никита Алексѣевичъ на секунду потерялъ сознание, затѣмъ почувствовалъ, какъ тотъ, продолжая одною рукою душить, другой шарить въ карманѣ. Онъ крѣпко схватилъ эту руку ниже кисти, свернулъ и она хрустнула. Нападавшій замычалъ и рванулся, увлекая на ноги и Никиту Алексѣевича. Въ темнотѣ они продолжали борьбу, отбрасывая другъ друга къ входной рѣшеткѣ; грохотъ колесъ заглушалъ вскрики.

Очевидно, у нападавшаго была сильно повреждена рука, онъ слабѣлъ. Туннель также внезапно окончился, и сильный лунный свѣтъ ударилъ въ лицо. Обозовъ увидалъ знакомые, свѣтлые безъ зрачковъ глаза, и съ тою яростью, которая овладѣла имъ во время атакъ, когда открытый ротъ не слышитъ крика, ноги не чувствуютъ раздирающихъ ихъ проволокъ, нѣтъ боли, страха, выкатываются глаза, и только лютая, дикая, пьяная злоба велитъ колоть и рубить, такъ и сейчасъ онъ приподнялъ противника, швырнулъ его спиною о желѣзную рѣшетку и разжалъ руки. Юноша глухо ахнулъ, перевалился и упалъ на камни; но здѣсь тѣло его, точно подхваченное землей, перевернулось, подскочило и колесомъ понеслось по обрыву въ озеро. Никита Алексѣевичъ закрылъ глаза.

Поѣздъ остановился на разъѣздѣ. Обозовъ, покачиваясь, вошелъ въ вагонъ; дверь купэ была открыта. Людмила Степановна исчезла. Онъ тяжело опустился на койку, положилъ на столикъ локти, въ нихъ голову и застылъ.

Не славшій всю ночь, съ болью въ вискахъ, помятый и желтый, Обозовъ сѣлъ, наконецъ, на пароходъ, грузившій бумагу и кожи.

Дуль сильный вѣтеръ съ моря. На набережной по снѣгу и грязи хлюпали прохожіе, гремѣли окованные колеса фуръ; ширококоржіе моряки, въ негнущихся сапогахъ и кожаныхъ шляпахъ, топтались у скрежетавшихъ лебедокъ, катали бочепки, и вѣтеръ отдувалъ полы ихъ ватныхъ куртокъ. Нѣсколько дамъ, съ дѣтьми и няньками, дрожали отъ холода около изящныхъ чемодановъ, брошенныхъ въ грязь. Юркій агентъ Кука, въ картузикѣ съ галунами, неизмѣнно улыбаясь, что входило въ его обязанности доказывать путешественникамъ легкость и пріятность путешествія), приставалъ къ сердитому господину въ очкахъ, боровшемуся съ вѣтромъ, съ агентомъ, съ одышкой, съ грязью, летящей съ автомобильныхъ шинъ. Надъ сѣвернымъ мокрымъ городкомъ, расположеннымъ по склонамъ горной подковы, волклись сѣрая облака, задѣвали за шпильки кировъ, за сосны, бурая скалы, и ползли вверхъ по лѣснымъ гребнямъ.

То стоя на палубѣ, то забредая во внутрь парохода, Никита Алексѣевичъ мучился изжогой и тѣмъ что до сихъ поръ не выяснился номеръ каюты. Хотѣлось завалиться поскорѣе и спать до Англии.

Въ это время въ каютъ-компаніи двѣ поджарыя, пожилыя женщины, въ крахмальныхъ фартукахъ и чепцахъ, и блѣдный красавецъ-лакей, растрепавшій съ утра намаженный кокъ, ссорились вполголоса и накрывали бѣлоснѣжный столъ серебромъ, хрусталемъ, багровыми омарами, глыбами сыра, кусками холодной свинины и мяса.

Наверху, въ курительномъ салонѣ съ окнами, затянутыми прозрачными снимками съ норвежскихъ курортовъ, десятка два мужчинъ курили сигары и трубки, пили аперитивъ.

Здѣсь были шведы, датчане, широкоплечіе сѣверо-американцы, норвежцы, со щеками, обвѣтренными въ горахъ. Всѣ одѣты въ крѣпкую обувь, въ свободное сукно, имѣли отмѣнный аппетитъ, веселый нравъ и неизмѣнное душевное равновѣсіе.

На палубѣ звенѣлъ колоколь, скрежетали цѣпи лебедокъ, гремѣли катящіеся боченки, и слова команды раздавались круто и точно. Въ реяхъ сильно свистѣлъ вѣтеръ. Это былъ иной міръ, бодрый и свѣжій, безконечно далекій отъ вагонныхъ переживаній. И вспоминать, копаться въ своихъ чувствахъ казалось такъ же совѣстно, какъ если бы Никита Алексѣевичъ привелъ сюда пьяную проститутку и сидѣлъ бы съ ней обнявшись за табльдотомъ.

Пароходъ вышелъ изъ гавани и повернулъ на юго-западъ, почти навстрѣчу сильному вѣтру; началась качка. Тяжелыя волны били въ правый бортъ, поминутно заливая иллюминаторы зеленоватой, пѣнистой влагой. Каюта вмѣстѣ съ койкой, занавѣсями и лакированнымъ умывальникомъ кренилась, трещала, и не успѣвала оправиться, какъ обрушивался новый валъ.

Никита Алексѣевичъ вышелъ на верхнюю палубу; онъ плотно, какъ и всѣ, пообѣдалъ, выпилъ нѣсколько стакановъ вина, и, возбужденный густымъ, соленымъ вѣтромъ, терпкимъ бургундскимъ и движеніемъ высокаго пароходнаго носа, ходилъ по мокрой палубѣ, поднимая воротникъ, присѣдая во время крена или придерживаясь за поручни. Ему было вольно стоять подъ ледяными брызгами, на вѣтру, словно выдувавшему всю затхлость изъ закоулковъ души. Онъ не чувствовалъ ни угрызенія совѣсти, ни грѣха послѣ вчерашней «перепалки»: человекъ, сброшенный имъ подъ откосъ, былъ не его врагъ или соперникъ, а врагъ арміи, всего народа; и вина

смерти словно разлагалась на всѣхъ, да и не было вины, а только чувство удачи, взятаго верха. Поиному обстояло съ Людмилой Степановной; здѣсь уже выручали вѣтеръ и величїе Сѣвернаго моря. Онъ понималъ, что виновать ужасно, и маялся отвращенїемъ и жалостью. Это чувство было болѣзненное и невѣрное, но, когда вспоминалась измученная страхомъ, полоумная, изолгавшаяся женщина, комочкомъ сидящая въ углу дивана, ея острые плечи и сдавленные звуки, точно она глотала слюну, Никита Алексѣевичъ морщился, говорилъ: «Эхъ», и прищурясь, глядѣлъ на воду.

Мутныя, изсинесѣрыя волны, пронизанныя пѣною во всю толщину, громоздились, какъ холмы, одна на одну, пучились, шипѣли; вѣтеръ срывалъ и стлалъ ихъ бѣлые гребни; треща, пароходный корпусъ поднимался наискосокъ на эту живую гору, мачты и реи клонились, носъ нависалъ надъ бездною и, спустя мгновенїе, уже падалъ внизъ, въ водную долину, а громада воды обрушивалась за кормой. И снова громоздились холмы на холмы, загораживая небо. Низкія, рваныя тучи проносились надъ водою, словно зарывались въ нее, и косыми полосами сыпались изъ нихъ крупа и ледяной дождь. Холодное, сѣрое небо, взлохмаченное море и вѣтеръ, и невольная печаль сѣвера оковывали душу.

«Я простой солдатъ, — думалъ онъ, и поступить иначе не могъ. А все-таки жалко, чортъ ее возьми, и поступилъ я гнусно».

Солнце, невидимое весь день, проглянуло ненадолго изъ-за лиловой тучи, залило багровымъ свѣтомъ ея уступы, освѣтило косыя полосы града, гребни волнъ, ставшихъ еще больше и словно безшумнѣе, и закатилось. На мачтахъ зажгли огни. Море померкло и приблизи-

лось. Дрожа отъ холода, Никита Алексѣевичъ пошелъ въ курительную.

Здѣсь только два порвежца, красные отъ духоты, играли въ домино, да сердитый господинъ въ очкахъ пилъ виски, держа бутылку содовой между колѣнъ. Обозовъ перелисталъ журналы, покосился на сердитаго господина, боровшагося съ тошнотой, зѣвнулъ и побрелъ внизъ.

Въ корридорѣ его остановила горничная, проговоривъ шопотомъ:

— Васъ желаетъ видѣть одна дама. Пожалуйста за мной.

— Какая дама? Что за чушь? — отвѣтилъ онъ, берясь за мѣдную штангу, — какъ вдругъ почувствовалась качка и головокруженіе, и духота. — Какая дама, спрашиваю я...

И сейчасъ же пошелъ вслѣдъ за лукавой горничной, отворившей дверь крайней каютки. Здѣсь съ порога онъ увидѣлъ Людмилу Степановну, лежащую въ кружевномъ, но растерзанномъ, копотѣ, на какомъ-то тигровомъ одѣялѣ. Къ головѣ ея прислоненъ пузырь съ горячей водой, рука безсильно свѣсилась до пола, и только глаза точно горѣли, сухіе и жадные.

— Я безумно страдаю, — проговорила она хриповатымъ голосомъ, — сядьте въ ногахъ. Я хотѣла васъ еще разъ видѣть. Въ Англии меня арестуютъ. Но я ничего не прошу у васъ, пожалѣйте меня.

Никита Алексѣевичъ, сѣвъ въ ногахъ, держа шапку, проговорилъ сквозь зубы:

— Жалѣю...

— Я васъ люблю безумно. Я схожу съ ума. Мнѣ такъ не жить. Вы, вы, вы во всемъ виноваты. О, какъ я страдаю.

Она схватилась за сердце, потомъ за горло и страшно поблѣднѣла. Припадокъ слабости миновалъ, и опять глаза ея загорѣлись.

— Только, чтобы отвязаться, я рѣшила украсть ему документы. Да да, — она подняла руку и погрозила — я его ненавиждѣла. Онъ зарѣзалъ бы васъ во снѣ, если бы не я. Такъ зачѣмъ же скрываете? Вы притворяетесь, вы лжете, вы любите меня. Вы не уйдете отъ меня.

Ею овладѣла слабость, лицо покрылось потомъ. Никита Алексѣевичъ сильно почесалъ за ухомъ у себя:

— Да поймите же вы, смѣшная женщина, -- сказалъ онъ, — я не звѣрь и не халуй. Я не могу васъ любить, если бы даже и хотѣлъ. Ничего у насъ не выйдетъ.

— Вы не смѣете такъ говорить о любви.

— А мнѣ противно, когда вы употребляете это слово. Мнѣ здѣсь неприятно. Я уйду! — Онъ поднялся.

— Боже, какой мракъ! — закричала Людмила Степановна, цѣпляясь за его рукавъ, — почему вы меня разлюбили? Развѣ я хуже, чѣмъ третьяго дня? Я — лучше. Я всѣмъ пожертвовала, все отдала. Я—ваша, ваша, ваша!

Кружевной капотикъ сползъ съ голого ея плеча. Она закатывала глаза. Никита Алексѣевичъ глядѣлъ на нее и думалъ:

«Вашъ — по-французски — корова, и вообще нѣчто грязное. Боже мой, какъ сдѣлать, чтобы не чувствовать себя лучше и чище этой женщины!.. Если бы она догадалась... Если бы рѣшилась!»

— Ну, прощайте, — сказалъ онъ, освобождая рукавъ.

Тогда Людмила Степановна быстро сунула руку за подушку, вытащила маленькій, черный револьверъ, который дрожалъ и вертѣлся у нея въ пальцахъ, приподнялась и стала цѣлиться. Обозовъ стоя въ дверяхъ, пожалъ плечами и зачѣмъ-то проговорилъ:

— Подымите предохранитель.

Тогда Людмила Степановна швырнула револьверъ, ткнулась головой въ подушку, стиснула ее зубами. Обозовъ постоялъ, потеръ лобъ, наклонился надъ дамой, осторожно прикрылъ угломъ тигроваго одѣяла ея ноги и вышелъ.

Когда на слѣдующее утро пароходъ подвалилъ къ пустынной набережной Нью-Кестля и изъ воротъ желѣзнаго амбара вышли агенты полиціи, чтобы подняться на палубу для провѣрки документовъ, Обозовъ увидѣлъ въ толпѣ пассажировъ Людмилу Степановну. Кутаясь въ шубку и въ муфтѣ, съ растерянной улыбкой, она пробиралась къ трапу; здѣсь ее остановили, и чиновникъ долго со всѣхъ сторонъ оглядывалъ паспортъ; отъ амбара отдѣлились два равнодушныхъ «бобби» и взошли на пароходъ. Никита Алексѣевичъ протолкался къ чиновнику, показалъ свою карточку, парусиновый пакетъ и, положилъ руку на пышную муфту Людмилы Степановны, сказалъ:

— Эта дама ѣдетъ со мной. Я за нее ручаюсь.

Въ тотъ же день онъ самъ отвезъ ее на «Авраама Линкольна», — пароходъ трансъ-атлантической линіи, отходящій ночью въ Нью-Йоркъ, — и, прощаясь, сказалъ единственную фразу за весь день:

— Я не прошу простить меня. Я тоже никогда вамъ не прощу. Когда вамъ понадобятся деньги — сообщите. Будьте счастливы.

Людмила Степановна заплакала. Онъ сошелъ по сходнямъ внизъ и, не оборачиваясь, пропалъ въ темнотѣ.

Подъ водой.

«Милый другъ, вы оказались правы, я — просто искатель приключеній. Понялъ это сію минуту за письмомъ къ вамъ въ кабачкѣ, на краю стола, залитаго джиномъ. Сколько здѣсь надписей; вырѣзанныхъ ножами, любовныя признанія и клятвы на всѣхъ языкахъ. Напротивъ меня сидитъ Тобъ, первая красавица въ гавани, черная и злая, какъ обезьяна. Тяпеть черезъ соломинку ликеръ, то поправляетъ гребенки, то съ яростью одергиваетъ кофточку; платье на ней шелковое и краденное, поэтому узко. Она сказала, что если я ее брошу, — будетъ бѣда.

На разсвѣтъ я выхожу на подводной лодкѣ, въ арріергардѣ сумбаринъ. Лодочку мою зовутъ «Кэтъ», или, по-нашему, «Катъка». Наконецъ-то, я попадаю на дно моря. А вы, Татьяна Александровна, странствуете по инымъ мѣстамъ, болѣе призрачнымъ, и только. Мы оба не любимъ чада и благополучія, словомъ — искатели приключеній.

Помните годъ назадъ нашу бесѣду въ подмосковномъ паркѣ? Куковала кукушка, и запахъ меда былъ повсюду — съ полянъ, отъ липъ и вашего платья. Вы сказали, что есть двѣ породы людей, — какъ ночь и день въ вѣчномъ круговоротѣ: одни ищутъ покоя, другіе — волненій. Обо мнѣ же вы изволили выра-

зиться презрительно, что я способенъ отыскивать Бога въ телескопъ, шаря по небу, что исканіе подмѣниваю приключеніями, волненіе духа — простымъ безпокойствомъ, и было бы мнѣ лучше хоть на минуту остановиться и закрыть глаза.

Согласенъ. Я за этотъ годъ исколесилъ полсвѣта. Покупалъ пушки, фуфайки, слюду, быковъ. Заключилъ трехмѣсячный бракъ съ японкой. Затѣмъ атаковалъ и потопилъ транспортъ въ одно чудесное утро. Пять педѣль лежалъ и плевался кровью. Наконецъ, четыре эти мѣсяца сижу здѣсь въ гавани, дерусь на кулачкахъ изъ-за Тобъ и не знаю, чѣмъ все это кончится.

До разсвѣта еще далеко, но если погода не переменится, — насъ потреплетъ. За окошкомъ видна вся гавань, въ лужахъ и дождевыхъ пузыряхъ. Качаются фонари. Вѣтромъ сорвало брезентъ съ цѣлой горы мѣшковъ. Пляшутъ огни на мачтахъ. Завываетъ сирена, какъ обманутая дѣва. Вѣтеръ и дождь гонятъ по мостовой пьяненькаго матроса въ резиновомъ плащѣ. Ночка.

Тобъ говоритъ, что, если бы умѣла, то написала вамъ, что я безбожный скотъ и еще кто-то... Она вырываетъ у меня перо».

Безъ огней и сигналовъ субмарины вышли въ открытое море. Ровно въ половинѣ четвертаго Андрей Николаевичъ поднялся на мостикъ «Кэтъ»; матросы и два помощника спустились во внутрь лодки.

Огромныя тучи, озаренныя огнями гавани и уже пропитанныя блѣднымъ разсвѣтомъ, грудились надъ портомъ и моремъ. Рѣзкій дождь хлесталъ въ стекла и стѣны кирпичныхъ домовъ, по бочкамъ съ керосиномъ, по брезентамъ, покрывавшимъ мѣшки, шумѣлъ вязами сквера, барабанилъ по стальной об-

шивкѣ лодки и лѣпилъ къ шинѣ Андрея Николаевича плащъ.

Неподалеку за завѣсой дождя краснѣло окошко кабачка «Неожиданная встрѣча». И тамъ, все такъ же за окномъ, съ края стола, сидѣла Тобъ, оперши острый подбородокъ о кулачки.

Андрей Николаевичъ усмѣхнулся радостно и тревожно: онъ снова покидалъ навсегда и этотъ берегъ. Въ жизни не было слаще чувства разлуки и свободы.

Онъ взглянулъ на часы, и черезъ секунду скомандовалъ полный ходъ. Остовъ «Кэтъ» задрожалъ, и она скользнула навстрѣчу пологимъ волнамъ, покрытымъ бликами огней и прибрежнымъ мусоромъ.

Огни гавани, холодѣющіе въ утреннемъ свѣту, остались далеко позади, погрузились въ воду и скрылись. Дулъ рѣзкій вѣтеръ. Накосокъ, навстрѣчу ходу, поднимались валы и каждый разъ обрушивались уже за лодкой.

Обрывки облаковъ проносились надъ пѣной океана. Внезапно въ разорванной длинной щели между тучъ появился бугоръ солнца. Протянулись въ верхъ и въ стороны широкія тучи. Море стало зеленымъ. Заблестѣла сталь на мокромъ мостикѣ, и Андрей Николаевичъ распахнулъ плащъ.

Теперь вогнутая поверхность набѣгающей волны казалась прозрачной, какъ стекло. «Кэтъ» подлегала подъ ея покровъ и однимъ взмахомъ вознеслась на бурлящій гребень, наклонялась затѣмъ и скользила внизъ. Винтъ дрожалъ въ воздухѣ, и грохотала рухнувшая справа громада. Впереди, у края неба и воды, покачивались двѣ радіотелеграфныя мачты передней сумбарины.

Изъ путра «Кэтъ» появилось круглое, без-

усое лицо съ голубыми глазами старшаго помощника, Яковлева...

— Андрей Николаевичъ, пора, — сказалъ онъ, поднявъ брови, и покраснѣлъ какъ всегда, разговаривая съ командиромъ, — у насъ у всѣхъ голова кругомъ идетъ. Какой приказъ?

Онъ вылѣзъ на мостикъ и попросилъ разрѣшенія курить. Андрей Николаевичъ самъ опредѣлилъ секстантомъ положеніе судна, разстегнулъ куртку и досталъ конвертъ съ пятью красными печатами. На немъ точно были обозначены долгота и широта гдѣ вскрытъ тайный приказъ. Не спѣша онъ сломалъ печати и, прикрывъ отъ вѣтра плащомъ, развернулъ хрупкій, тонкій листокъ. Въ немъ стояло краткое и невѣроятное приказаніе идти... въ Ганге, черезъ Скагеракъ и Зундъ.

Яковлевъ поднялъ брови и проговорилъ унавшимъ голосомъ:

— Андрей Николаевичъ, куда же мы на рожонъ полѣземъ?

— Это — не ваше и не мое дѣло.

— Если вы думаете что я боюсь, такъ я напротивъ... Я даже очень радъ, — пробормоталъ Яковлевъ, поджимая губы, и застегнулъ на всѣ пуговицы пальто.

Передавъ ему командованіе, Андрей Николаевичъ спустился по отвѣсной лѣсенкѣ въ узкій корридоръ, куда выходили каютки. Съ потолка матовыя полушарія освѣщали выкрашенныя въ бѣлое желѣзныя стѣны, линіи мѣдныхъ трубъ, ряды заклепокъ, провода, тѣни и толстый половикъ на полу.

Теплый, сладковатый воздухъ, налитанный запахомъ бензина и масла, сильными струями проносился надъ головой. Шумѣли вентиляторы, и глухо и мѣрно, какъ пульсъ, работала моторъ.

Конецъ корридора, съ дверью въ машинное отдѣленіе, то возносился, то падалъ внизъ.

Придерживаясь за стѣны, Андрей Николаевичъ вошелъ въ офицерскую каюту съ тремя, одна надъ другой койками. На самой верхней спалъ второй помощникъ, князь Бѣлопольскій, качаясь, какъ въ люлькѣ. Вдоль наружной вогнутой стѣны журчали водяныя струи. Свѣжій вѣтерокъ подавался снизу, отдувая уголь карты на столѣ, шевеля волосы спящаго. Спертый воздухъ высасывался черезъ рѣшетку въ сферическомъ потолкѣ, залитомъ сильнымъ электрическимъ свѣтомъ. На маленькомъ, чистенькомъ столѣ стояла початая бутылка коньяку, бисквиты и лежалъ томикъ англійскаго романа.

Андрей Николаевичъ, негромко посвистывая, присѣлъ у стола и обхватилъ колѣно. Приказъ былъ выполненъ, конечно, но съ большимъ рискомъ. Извѣстно, что субмарина, погружаясь въ воду, оставляетъ на поверхности перископъ — свой глазъ, всегда замѣтный днемъ по водяному слѣду. Опускаясь еще глубже, т. е., скрываясь совсѣмъ, лодка оказывается слѣпой и идетъ ощупью, по компасу, рискуя налетѣть на мель, рифъ или во время боя на киль корабля. У «Кэтъ» были минныя аппараты и скорострѣльная пушечка — вооруженіе для атаки. Но не на нихъ, а на особые оптическіе иллюминаторы, которые, уничтожая отчасти преломленіе воды, позволяли различать на глубинѣ опасныя предметы, и надѣялся главнымъ образомъ Андрей Николаевичъ, обдумывая, какъ провести лодку невредимой въ назначенный портъ.

Но долго размышлять надъ тѣмъ, что еще не случилось, Андрей Николаевичъ считалъ занятіемъ празднымъ. Наливъ рюмочку коньяку, онъ сдвинулъ фуражку на затылокъ и внимательно взглянулъ на спящаго князя, который положилъ руку на грудь и склонилъ къ плечу тонкое свое лицо, желтоватое и точ-

но восковое отъ плохо залѣченной лихорадки.

— Князь, коньяку хочешь? — спросилъ Андрей Николаевичъ. Бѣлопольскій, не отвѣчая, повернулся на другой бокъ. Въ это время въ каюту вошелъ вахтеръ Курицынъ, по прозванію «курицынъ сынъ», широкоплечій, рыжій, скуластый матросъ, и доложилъ, что требуютъ къ телеграфу.

— Идемъ въ Ганге, Курицынъ. Ты что насчетъ этого думаешь? — проговорилъ Андрей Николаевичъ нарочно, только чтобы послушать, что скажетъ Курицынъ имѣющій на все свое сужденіе и отвѣтъ. И прошелъ въ машинное отдѣленіе.

Курицынъ покрутилъ головой, скосоротился, подмигнулъ матросамъ и сказалъ:

— Ну, и дѣвки же, ваше благородіе, въ Ганге, въ этомъ, говорятъ, люты.

Въ общемъ, на этотъ разъ, у него никакой остроты не вышло. Команда поднялась при видѣ Андрея Николаевича; матросы молчали: должно быть, всѣ понимали что дѣло серьезное.

Радіотелеграмма была запросомъ, прочтешь ли приказъ. Андрей Николаевичъ одѣлъ шлемъ и сѣлъ къ аппарату: «Пари, Пари, Пари, Бомбей... Чикаго... Чикаго... Гибнемъ, гибнемъ, гибнемъ, — затрещали ему въ ухо голоса со всего міра, — гибнемъ, гибнемъ. Франциско хлопокъ, Франциско хлопокъ... Кэтъ, Кэтъ, Кэтъ... Моргинзонъ только-что скончался... Кэтъ, Кэтъ, Кэтъ».

И онъ, поймавъ нужную волну, далъ отвѣтный сигналъ: «Кэтъ, Кэтъ Кэтъ», и, соединясь съ субмариной «Ц», сообщилъ, что приказъ прочелъ.

Двое сутокъ «Кэтъ» ныряла въ волнахъ. Прочная и быстрая, соединенная голосами со всѣмъ міромъ, она веселила сердце Андрея

Николаевича. Ему не представлялось, какъ можно разрушить такое сокровище ударомъ мины или бомбы, и у «Кэтъ», казалось, есть болѣе высшее назначеніе, чѣмъ топить корабли.

Яковлевъ и второй помощникъ, кн. Бѣлопольскій, оба еще мальчики, храбрились ужасно. Андрея Николаевича они обожали и гордились его дружбой, его простымъ обращеніемъ. Они знали, что передъ отъѣздомъ было отправлено письмо какой-то Татьянѣ Александровнѣ въ Тульскую губернію, въ имѣніе Долгоруково, и оба въ Татьяну Александровну были немного влюблены.

Команда, выходящая по очереди на палубу, весело покуривала послѣ духоты каютъ на легкомъ встрѣчномъ вѣтру. Дни стояли ясные, и множество рыбъ разлеталось передъ лодкой, подскакивало на гребняхъ.

Курицынъ ухитрился ловить рыбу сачкомъ на ходу. Матросы гоготали, глядя, какъ онъ, засучивъ штаны, доходить до самаго края лодки, поднявшею носъ, запускаетъ сачокъ, вытаскиваетъ и по вновь опускающемуся носу бѣжитъ обратно и вертится, какъ бѣсъ, или, засунувъ ладонь подъ мышку, играетъ на ней марши, приплясывая, пока не хлестнетъ его валъ.

Появились дельфины и погнались за лодкой. Изъ зеленой воды, изъ-подъ самаго носа, выскальзывали они крутымъ побѣгомъ на воздухъ, опутивъ хвостъ, описывали дугу и вновь погружались безъ плеска. И съ боковъ, сзади, повсюду вертѣлись, какъ колеса, ихъ скользкія, коричневая тѣла, съ бѣлыми животами.

Днемъ Андрей Николаевичъ спалъ или сидѣлъ на телеграфѣ. Закрывъ глаза, откинувшись на стулъ, онъ слушалъ обрывки допесеній о бояхъ, въ Шампани и на Западной

Движѣ, на границѣ Австріи и подѣ Царьградомѣ. Какой-то Жоржѣ напрасно пытался послать поцѣлуй своей женѣ, плывущей въ Америку, и не могѣ добиться: быть-можетѣ, давеча этотѣ самый пароходѣ и вопилѣ о гибели. Кѣ вечеру у границѣ Волыни было разбито три австрійскихѣ корпуса, и на утро по всему океану понеслись истерическіе голоса биржевиковѣ.

Весь міръ сосредоточился у Андрея Николаевича въ тиканьѣ долгомѣ и короткомѣ, въ шорохѣ и шумѣ аппарата. Прошлое, — земля и встрѣчи — было, какѣ сонѣ, будущее упиралось въ мины. Не осталось ни страха, ни радости, ни сожалѣнія, — только вода, стальная эта коробка, набитая, какѣ сардинами, людьми, да черточкѣ беспроводнаго телеграфа въ мозгу.

Когда склянка была кѣ ужину, и матросы заглушенными голосами пѣли молитву, Андрей Николаевичѣ поднимался на мостикѣ, смѣняль помощника, надвигаль картузѣ на глаза и съ удовольствіемѣ отмѣчалѣ, что все на томѣ же разстояніи на границѣ неба и воды покачиваются двѣ короткихѣ мачты.

Море до края заката было лиловымѣ, и слѣдѣ отѣ лодки по водянымѣ буграмѣ переливался красными бликами. Закатный свѣтъ начинался отѣ зенита и густѣль у воды, гдѣ раскаленные тучи выпустили, наконецѣ, солнце, измѣнившее форму и медленно капавшее въ море. Погасли отблески; появились блѣдныя звѣзды, созвѣздія.

А на востокѣ возникало небольшое зарево, точно отѣ горящаго корабля, и поднялась луна оранжевая и огромная. Когда же, линия, блѣднѣя, свѣтятся все ярче, достигла она звѣздѣ — по водѣ побѣжалѣ серебристый слѣдѣ. Эти минуты были тоскливыми и тяжелыми для Андрея Николаевича. Въ его

увѣренномъ спокойствіи точно начинала дрожать нестерпимая какая-то жилка. Отъ такихъ пустыхъ, ненужныхъ моряку вещей, какъ закатъ, на примѣръ. начиналъ онъ чувствовать себя жалкимъ и смертнымъ человѣкомъ, точно не все еще испытано, или самое важное, самое нужное было впереди. Андрей Николаевичъ негодовалъ и гнѣвался на мостикѣ, потому что чувство это казалось ему подобно трещинѣ въ бронированномъ борту у «Кэтъ».

На третій день, послѣ полудня, Андрей Николаевичъ поспѣшно вышелъ изъ телеграфной каюты и приказалъ готовиться къ спуску. Команда стала къ аппаратамъ, нагнетающимъ воду. Осмотрѣли кислородные резервуары, озонаторы, опрѣснители и всѣ люки. Артиллеристы прошли въ минное отдѣленіе. Было приказано по возможности лежать, двигаться какъ можно меньше, не разговаривать и не смѣяться. Яковлевъ, стоявшій на вахтѣ, крикнулъ сверху въ трубу, что на сѣверѣ — дымъ, затѣмъ сошелъ внизъ и выходной люкъ герметически былъ завернуть.

Андрей Николаевичъ scomандовалъ спускъ и прошелъ въ рулевое отдѣленіе. Зашумѣла вода въ кингстонахъ, нутро лодки точно отяжелѣло, и качка уменьшилась. «Кэтъ» погрузилась и пошла подъ водой по перископу. Андрей Николаевичъ нажалъ кнопку, электричество погасло, и изъ трубы полился конусъ голубоватыхъ лучей.

Тогда поверхность столика ожила. Заходили по ней крошечныя волны съ гребнями, возникли облака и слѣва протянулся дымокъ.

Подперевъ голову, Андрей Николаевичъ всматривался въ море, лежащее передъ нимъ

на площади квадратнаго фута. Дымокъ исчезъ, и вскорѣ справа появилась черточка земли. Къ ночи Андрей Николаевичъ за темнотою рѣшилъ опять подняться на поверхность и идти безъ огней.

До утра онъ простоялъ на мостикѣ. Воды были тихими, только валъ мертвой зыби всплескивалъ иногда подъ носомъ лодки. Тонкая пелена затянула звѣзды. На югѣ, въ страшной дали, скользнулъ по облакамъ голубоватый лучъ прожектора со сторожевого вражескаго судна.

Вниманіе было такъ напряжено, что Андрей Николаевичъ слышалъ тиканье часовъ въ карманѣ. Передъ зарей, невысоко, со свистомъ пролетѣли утки. Пришло извѣстіе, что первая субмарина погрузилась совсѣмъ. Вскорѣ телеграфировала вторая, что погружается. Приближался поясъ минъ. Одна за другой исчезли подъ ними лодки, — быть-можетъ навсегда.

Разсвѣтъ былъ долгій; зеленоватый и оранжевый свѣтъ его разливался по перистымъ облакамъ. Андрей Николаевичъ различилъ, наконецъ, неясное очертаніе скалъ надъ молочной поверхностью залива и скомандовалъ: Стопъ! Онъ закрылъ глаза, снялъ фуражку, провелъ ладонью по влажному лбу своему и украдкой перекрестился. Затѣмъ сошелъ внизъ и самъ завернулъ люкъ.

«Кэтъ» на точно обозначенномъ мѣстѣ начала опускаться на большую глубину. Потомъ, медленно, руководясь только лотомъ, компасомъ и картой, двинулась подъ минами, сдавленная сотнями тысячъ пудовъ воды.

Лоты, волочась на стальныхъ шнурахъ, позади «Кэтъ», точно опредѣляли скорость, хронометръ показывалъ время поворота, а компасъ — его точное направленіе. Яковлевъ наблюдалъ за приборами, Бѣлопольскій по ло-

гарифмическимъ таблицамъ вычислялъ поправки въ погрѣшности хода и доносилъ старшему механику, стоящему у моторовъ. Андрей Николаевичъ, склонясь надъ картой, вполголоса командовалъ рулевому: вправо столько-то градусовъ, минутъ и секундъ, влево — столько-то.

Не чувствовалось ни качки, ни движенія «Кэтъ», погруженной въ темноту. Матросы повсюду лежали неподвижно, заботясь какъ можно меньше расходовать кислорода. Но все-же воздухъ былъ тяжкій, густой, и звенѣло въ ушахъ. По временамъ кто-нибудь пробормочеть: «О Господи, Господи!» и вздохнетъ, припомнивъ, должно-быть, три десятины свои гдѣ-нибудь подъ Бугурусланомъ, гречиху, ржащаго жеребенка да вѣтеръ въ ракитовыхъ кустахъ. Труднѣе всѣхъ пришлось Курицыну. Послѣ многихъ часовъ молчанія онъ началъ покряхтывать, потомъ сказалъ:

— Намъ-то еще, братцы, ничего, а вотъ, я думаю, китъ, скажемъ, — какъ онъ себя подъ водой терпитъ?

— Молчи, ты, дура, — отвѣтили изъ темноты.

Яковлевъ, повернувъ изъ-за едва поблескивающихъ трубъ и приборовъ потное, нахмуренное лицо, приказалъ молчать. И въ это время днище «Кэтъ» ударилось обо что-то и заскрипѣло.

— Стопъ! Стопъ! — закричалъ Андрей Николаевичъ, выскакивая изъ рулевой будки.

Завыли шестерни, и моторы перестали биться. Въ тишинѣ слышалось только дыханіе людей. Сразу стало жарко, какъ въ банѣ.

Андрей Николаевичъ пробрался въ герметическую камеру, куда чрезъ иллюминаторы проливался жидкій, зеленоватый свѣтъ, и прильнулъ къ стеклу.

Понемногу въ подводномъ сумракѣ обозна-

чались тѣни и очертанія, расплывчатые и неясныя. Одна изъ тѣней, дрогнувъ, двинулась вдоль стекла, и на Андрея Николаевича глянули круглые, рыбы, трагическіе глаза.

Рыба скользнула наискосокъ, глубоко внизъ; значить, «Кэтъ» сидѣла не на мели, и врядъ ли здѣсь могли быть подводные рифы. Продолжая наблюдать, Андрей Николаевичъ приказалъ подняться на нѣсколько футовъ. Тогда множество тѣней шарахнулось, и ясно теперь стали видны обрывки проволочныхъ лѣстницъ и канатовъ и зацѣпившаяся за нихъ полуобглоданная рыбами человѣческая фигура. Раскинувъ руки, она покачивалась внизъ головой. Андрей Николаевичъ откинулся, и на минуту у него зазвенѣло въ мозгу. «Кэтъ» наскочила и остановилась на останкахъ взорваннаго минами корабля.

Остановка эта могла оказаться роковой. Равномѣрное движеніе лодки было нарушено, направленіе утеряно; небольшая и неизбежная неточность того мѣста, гдѣ лодка опустилась подъ мины, должна была возрасти по мѣрѣ хода; теперь же, ставъ, «Кэтъ» въ одно мгновеніе заблудилась во времени.

Андрей Николаевичъ забарабанилъ пальцами по стеклу. Остаться подъ водой было невозможно, появиться на поверхности значить выдать себя и подвергнуться обстрѣлу. Все же это былъ единственный выходъ опредѣлить точно мѣсто нахождения. Онъ командовалъ медленный подъемъ и вернулся къ иллюминатору. Тѣни ушли внизъ. Вода замѣтно свѣтлѣла. И вдругъ сверху навстрѣчу словно сталъ опускаться темный шаръ. «Мина. Сейчасъ встрѣтимся», — подумалъ Андрей Николаевичъ и, новымъ усиліемъ преодолевъ давящее мозгъ оцѣпененіе, приказалъ переменить направленіе. Шаръ отдалился, а справа приблизился второй. Пришлось про-

двинуться впередъ. Но и тамъ, въ зеленоватомъ полумракѣ, возникли чугунные шары словно поджидая, когда ихъ коснется бортъ судна. «Кэтъ» запуталась въ минной сѣти...

II.

Съ большой высоты морская вода кажется прозрачной, и внимательному глазу возможно въ ней разсмотрѣть даже идущихъ крупныхъ рыбъ. Какъ въ послѣдствіи выяснилось, «Кэтъ» была именно такъ и замѣчена двумя непріятельскими гидропланами въ то время, когда стремилась выбиться между минами на поверхность залива. Самолеты выслѣдили подъ водой ея тѣнь и, кружась надъ тѣмъ мѣстомъ, дали знать сторожевымъ судамъ. Но лодка, описавъ кругъ, вновь опустилась на большую глубину.

Теперь она шла вслѣпую. Моторы были пущены во всю силу. Сотни бѣсовъ, именуемыхъ лошадиными силами, бились въ нихъ, бѣшено вращая рычаги поршней, шестерни, фрикціоны и валъ. Корпусъ лодки дрожалъ. Полуголые механики, въ однихъ только штанахъ, ползали около машинъ, трогая раскаленные, гудящія части. Было жарко и душно; въ свинцовыхъ резервуарахъ оставалось кислорода всего на часъ, не больше.

Яковлевъ сидѣлъ все тамъ же, около аппаратовъ, облокотясь о колѣни, охвативъ руками помутившуюся, стриженную голову. Въ минныхъ погребахъ, въ каютахъ, въ проходахъ у стѣнъ лежали и стояли незанятые дѣломъ матросы, молча, задыхаясь. И cadaго, какъ поплавокъ, неудержимо тащило кверху, — вынырнуть, глотнуть вѣтра, глянуть на небо. Князь Бѣлопольскій, все еще наклонясь надъ бесполезными сейчасъ таблицами, то-и-дѣло вытиралъ лицо, точно убирая паутину; нако-

нецъ, поднялся, но на полпути упалъ на руки и колѣнки и стошнилъ. Его подняли безъ со-знанія, уложили на койку.

И одинъ только голосъ Андрея Николаевича, слышный повсюду изъ телефонныхъ трубокъ, поддерживалъ силы полузадохшихся людей. Пустивъ «Кэтъ» полнымъ ходомъ, Андрей Николаевичъ рассчитывалъ миновать минный поясъ, — хватило бы только воздуху, хотя на часть команды.

Блѣдный и возбужденный, въ разстегнутомъ кителѣ, онъ появлялся повсюду, стыдилъ ослабѣвшихъ, заглянулъ къ Бѣлопольскому, самъ влилъ въ ротъ ему коньяку и, крѣпко проведя ладонями по волосамъ, поцѣловалъ въ лобъ. «Еще полчасика, полчасика продержаться, — звенѣло въ мозгу, — полчасика, за полчасика. чай, не всѣ помрутъ».

Наконецъ, присѣвъ слишкомъ быстро около копошащагося, голаго, вымазаннаго масломъ механика, увидалъ онъ багровое пламя передъ глазами и, откинувшись, ударился затылкомъ о выступъ машины. Но боли не почувствовалъ. «Плохо» — подумалъ онъ, подползъ къ запасному кислородному баку, открылъ кранъ и съ жадностью потянулъ въ себя благовонную струю газа. Закружилась голова, сладкій огонь пробѣжалъ по жиламъ. Андрей Николаевичъ поднялся, пошатываясь. Всѣ предметы стали отчетливыми. Всѣ лица повернулись къ нему, молча, точно спрашивая, прося одними глазами. Скуластыя, бородатыя, иныя совсѣмъ еще юныя, лица матросовъ представились ему въ эту минуту опьяненія особенно человѣческими, мужицкими... Вотъ этого стащили прямо со стога сѣна, остригли, одѣли, выучили, посадили въ «Кэтъ», погрузили на пятнадцать сажень подъ воду. А у этого тараканы въ избѣ и теленочекъ, и глаза у него

коровыи, покорные. А придется, видно, умереть, ничего не подѣлаешь, надо!

Въ корридорчикѣ Андрей Николаевичъ паткнулся на Курицына. Онъ стоялъ, привалясь къ стѣнѣ, и глоталъ, какъ рыба, воздухъ. Жилы на шеѣ и лбу напряглись, рябое лицо посинѣло. Увидѣвъ командира, онъ попытался приободриться, изобразить всегдашнюю глупую рожу, пробормоталъ:

— Виновать, угорѣлъ маленько.

Андрей Николаевичъ, паклонясь къ нему, увидѣлъ, что зеленые глазки Курицына застланы смертной пеленой, выругался глухо и, вдругъ повернувшись къ трубкѣ, скомандовалъ подъемъ... «Кэтъ» дрогнула и понеслась наверхъ. Четыре съ половиной минуты продолжался подъемъ. Точно четыре съ половиной года длилось ожиданіе столкновенія, удара, треска, огня, гибели. Вдругъ «Кэтъ» стала. На перископный столикъ упалъ свѣтъ. Матросы поползли къ люку, отвинтили его, и полился холодный, соленый воздухъ, раздирая грудь, туманя голову. Зашумѣли вентиляторы и насосы.

Андрей Николаевичъ первымъ выпрыгнулъ на мостикъ и со вскрикомъ зажмурился. Надъ вознесенными, какъ дымъ, грудами теплыхъ облаковъ висѣло вечернее солнце. Ни вѣтра, ни зыби, и воды — какъ зеркало.

Дрожащими пальцами держа секстантъ, Андрей Николаевичъ началъ измѣреніе. За спиною появились Яковлевъ, Курицынъ и матросы. Въ небѣ слышалось сильное жужжанье, затѣмъ раздался мѣрный, легкій трескъ пулемета, и, словно отъ просыпаннаго гороха, звякнула обшивка лодки. Это падалъ, описывая широкіе круги, гидропланъ съ заостренными крыльями.

Покосясь на него, Андрей Николаевичъ, закусилъ губу и продолжалъ измѣреніе. Матро-

сы защелкали затворами карабиновъ. Гидропланъ, почти достигнувъ воды, взмыль полого и съ рѣзкимъ шипѣніемъ — «фррррр», попесся надъ лодкой. Неподвижно въ немъ сидѣлъ бритый летчикъ, держа рули. Понизже его наблюдатель, высунувъ черные усы изъ за покрывки шлема, перегибался, глядѣлъ внизъ, ожидалъ. Затѣмъ откинулся, поднялъ обѣими руками продолговатую бомбу и спустилъ ее между ногъ въ трубу. Снарядъ метнулся на мгновение и капнулъ въ воду у борта лодки. Курицынь выстрѣлилъ. Усатое лицо сморщилось, поднялись кожаныя руки съ растопыренными пальцами. Самолетъ проскользнулъ и полого, кругами, пошелъ наверхъ. Матросы открыли щелкотню вдогонку.

— Раненъ, раненъ, я самъ видѣлъ, — прокричалъ Яковлевъ визгливо.

Надъ грядой красноватыхъ горъ появился второй аппаратъ, различимый, какъ черточка. «Кэтъ» легко, словно раздвигая стекло, двигалась въ молочныхъ и оранжевыхъ водахъ.

Андрей Николаевичъ застегнулъ тужурку, надвинулъ картузь и, пройдясь по мостику, сказалъ, усмѣхнувшись (на щекахъ его и въ глазахъ блеснулъ красноватый свѣтъ заката):

— Ну-съ, Яковлевъ мины пройдены, а вотъ, что теперь будемъ дѣлать?

— Андрей Николаевичъ, здѣсь рифы и мелн...

— Въ томъ-то и дѣло, что здѣсь рифы и мели, и игти подъ водой я не рискну... Подождите... — Онъ поднялъ руку.

Солнце сѣло уже въ облака, и они, насытаясь его оранжевымъ свѣтомъ, озаряли воды; оттуда, изъ багроваго свѣта, стремительно налеталъ надрывающій свистъ.

— Прибавить ходу! — сказалъ Андрей Николаевичъ, направляя бинокль на закатъ.

Просвѣтала вторая граната по другую сто-

рону, и поднялся водяной столбъ. «Кэтъ» круто повернула къ потемнѣвшей полосѣ горъ, и позади надъ ея лиловымъ слѣдомъ лопнулъ третій снарядъ, брызнулъ, раскрылся облачкомъ.

«Кэтъ» повернула-было опять на востокъ, но теперь спереди, съ боковъ, повсюду лопались, брызгали огнемъ шары и, наконецъ, по всему тускнѣющему горизонту появились дымы. Кругъ ихъ смыкался.

Наблюдающій гидропланъ пронесся тѣнью надъ «Кэтъ», два блѣдныхъ лица глянули сверху и скрылись.

Затѣмъ невысоко надъ кормой разорвалось пламя, и чернобородый артиллеристъ Шубинъ, дѣльный мужикъ, выронилъ карабинъ, схватился за лицо и, перевалясь черезъ перила, скрылся подъ водой.

— Всѣ внизъ, маршъ, къ чорту! — крикнулъ Андрей Николаевичъ и, не отрывая рта отъ рупора, поглядывая исподлобья, гдѣ гуще падаютъ снаряды, командовалъ, ругаясь черезъ каждое слово.

«Кэтъ» вертѣлась, какъ затравленная. Повсюду теперь густо дымили трубы миноносцевъ. Дымовое кольцо смыкалось. Вдругъ, настигая, налетѣлъ снарядъ, дунулъ жаромъ; Андрея Николаевича кинуло навзничъ. Съ трескомъ радіотелеграфная мачта рухнула въ воду.

«Кэтъ», погруженная по самый мостикъ, мчалась къ скалистому берегу.

Въ сумракѣ подъ обрывами метнулись подъ рядъ шесть огненныхъ искръ, раскатясь по водѣ, и свистнули надъ лодкой шесть демоновъ, закованныхъ въ стальные цилиндры. Вдоль скалъ двигалась длинная тѣнь судна.

«Кэтъ» дрогнула на ходу и, отдѣляясь отъ нея, подъ водой, навстрѣчу тѣни, скользнула острая, слѣпая мина. Прошло долгое мгнове-

ніе, и тамъ, гдѣ были трубы миноносца, поднялась лохматая гора огня и воды. Рухнула. И тѣни не стало. «Кэтъ» вошла между скаль въ одинъ изъ глубокихъ заливчиковъ, погрузилась и легла на песчаное дно.

III.

«Насъ, я знаю, считаютъ погибшими. Седьмой день лежимъ на днѣ, съ величайшими предосторожностями каждую ночь поднимаемся за воздухомъ. Поправить мачту нѣтъ возможности. Да и все равно нельзя тратить горючій матеріаль на электрическую энергію — телеграфировать. Ъды тоже мало. Но все-таки держимся; опрѣснители работаютъ отлично».

Такъ черезъ недѣлю послѣ морскаго боя записаль Андрей Николаевичъ въ тетради, переплетенной въ черную кожу. Ежедневно онъ отмѣчалъ въ ней широту и долготу, скорости, исправность машины, провинности команды и прочее... Въ послѣдней же графѣ происшествій записаль кратко бой съ миноносцами, смерть Шубина, поврежденіе лодки, и минную атаку. Теперь на глубинѣ пяти сажень, на песчаномъ днѣ, ничего не случилось необычнаго, но понемногу запись въ послѣдней графѣ стала переползать на весь листъ. Рѣшилъ ли Андрей Николаевичъ, что все равно живымъ никому изъ этого залива не уйти, или частные случаи перевѣсили въ его сознаниі строго установленный распорядокъ, — только тонъ дневника перемѣнился.

«Еще три-четыре дня послѣ боя было у всѣхъ возбужденіе и злорадство, — писалъ далѣе Андрей Николаевичъ. — Отдѣлались мы однимъ убитымъ да мачтой, а сами потопили ихнее судно и перехитрили (дѣйствительно, весь здѣшній берегъ изрѣзанъ фіордами, и

«Кэтъ» канула, какъ иголка). Подходить близко они боятся, я думаю; все же надежды, что сочтутъ насъ погибшими, очень мало.

Но теперь я замѣчаю, что событія недавнихъ дней точно отодвинулись въ глубокое прошлое, изъ команды кое у кого начинается странное состояніе разсѣянности. Мы — не живые и не мертвые, спимъ весь день, ночью поднимаемся, чтобы накачать воздуху. Только Курицынъ еще пытается балагурить. Давеча я вошелъ въ рубку, смотрю, онъ устроилъ общій столъ изъ пустыхъ бидоновъ и брезента; матросы сидятъ вокругъ, сонные, лица опухли: Курицынъ ихъ всѣхъ прозвалъ пыльщиками: будто бы пыльщики здоровы ѣсть, а у насъ на семнадцать человѣкъ полагается сейчасъ девять коробокъ мясныхъ консервовъ. Не густо. Сидятъ кругомъ передъ общей чашкой, ложками черпаютъ по командѣ, а что не доѣдятъ, — наболтаетъ Курицынъ. «Ну — командуешь онъ, — набили пузо, сенаторы, расходитесь, курицыны дѣти»...

Больше всѣхъ мнѣ не нравится князь. Мальчикъ слишкомъ впечатлительный; послѣ обморока и смерти Шубина не можетъ никакъ оправиться. Пытался что-то дѣлать, но я приказалъ ему не сходить съ койки; онъ и лежитъ теперь цѣлыми днями лицомъ къ стѣнѣ. Гнететъ его отсутствіе звуковъ. Тишина дѣйствительно ужасная. Сверху насъ — вода, толщиной въ четырехъ-этажный домъ.

Когда наступаетъ время подъема, всѣ оживаютъ понемногу, потягиваются, съ безпокойствомъ поглядываютъ на часы, ждутъ этого часа, какъ воскресенія изъ мертвыхъ.

Но вотъ ворвался въ вентиляторы свѣжій воздухъ, стучаю пальцемъ по обшивкѣ и чувствую, что отъ неба отдѣляетъ меня только дюймъ желѣза, — приятно. Вчера были глухіе выстрѣлы, — насъ сторожатъ.

Накачаемъ воздухъ, тонемъ на дно, и люди-ми снова овладѣваетъ сонливость; время обрывается. Заваливаешься на койку. Темнота не та, что бываетъ на землѣ, а бархатная, совершенная... Яковлевъ бормочетъ и вскрикиваетъ. Ему снятся сраженія, подвиги, гавани, разукрашенные флагами, вѣтеръ и женщины. Спросонокъ онъ погибаетъ сверху съ койки и подобно мнѣ рассказываетъ всю эту чепуху.

Я начинаю понимать мухъ, что дремлютъ между замерзшими окнами. Лежу съ открытыми глазами, ни сонъ, ни явь, нѣтъ мыслей и воспоминаній, я только чувствую, — и никогда съ такой силой, — бытіе. Оно не представляется мнѣ случаями или отдѣльными картинами, а внѣ времени во всей полнотѣ, гдѣ-то надо мной, по ту сторону водяной толщи, простирается бытіе. Точнѣе опредѣлить не могу. Иногда начинаетъ биться сердце, точно въ предчувствіи еще болѣе яснаго пониманія. Странно и жутко и, пожалуй, жаль, что не вижу попросту снова, какъ Яковлевъ».

«Вѣлопольскій совсѣмъ плохъ. Сегодня, на одиннадцатый день, началъ бредить и свалился сверху; мы уложили его на нижней койкѣ.

Курицынъ пытается потихоньку его подкармливать. Я дѣлаю видъ, что не замѣчаю. Ъды у насъ осталось на недѣлю, при расчетѣ почти на голодъ. Мужики мои отощали; перестали разговаривать; у большинства, кажется такое же состояніе, что и у меня, — мухи за окномъ. Смирный все-таки они народъ; главное, если поняли резонъ, то и помрутъ безропотно. Но не дай Богъ заставить ихъ маяться несправедливо. Князька жалѣютъ очень. Старшій наводчикъ предложилъ напоить его шалфеемъ. Жалко шалфея-то у насъ

и нѣтъ. А травка, говорятъ, хорошая. Чудесная трава растеть на землѣ.

Князь бредить все про какую-то Танечку, будто качается съ ней на качеляхъ надъ рѣчкой, и тошно ему отъ рѣчки. «Хоть бы мелкая, говорить, а то она глубокая; уйдемте, Танечка, подальше отъ рѣчки». Перестанеть, вздохнеть и опять про то же. Затѣмъ появились у него два особенныхъ человѣка, съ деревянными руками, стащили съ качелей и повели къ рѣкѣ.

До вечера онъ боролся съ ними, вскрикивалъ дико, жаловался, что подъ ногтями — занозы отъ деревянныхъ людей. Наконецъ, началъ булькать, бархататься и затихъ.

Свѣтъ погасили. Яковлевъ, совсѣмъ измученный, заснулъ. У меня началась тоска, смертельная, невыносимая. Когда слѣзь посмотрѣтъ, отчего князь молчитъ, онъ былъ уже холодный.

На тридцатая сутки, въ полночь, съ величайшими предосторожностями мы поднялись въ первый разъ. Тѣло князя было завернуто въ холстъ, къ ногамъ привязана граната. Команда пропѣла ему «Вѣчную память».

Первое, что видѣлъ я, взойдя на мостикъ, — звѣзды: огромныя и частыя, сіяли онѣ по всему небу, и всѣ точно дышали въ водахъ залива. Направо поднимался отвѣсный берегъ, чернѣя высоко на небѣ зубцами скалъ и висящими неподвижно вѣтками низкорослыхъ деревьевъ. Оттуда шелъ сильный запахъ можжевельника, полыни и цвѣтовъ.

Изъ люка подняли князя, подъ холстомъ обозначался его острый профилъ. Тѣло скользнуло по борту и скрылось въ водѣ безъ всплеска. Матросы молча крестились. Пролетѣла летучая мышь.

Не понимаю, не понимаю, гдѣ грань живого и мертвого, — развѣ тамъ, гдѣ кончается мука и пастунаеть благоговѣніе и тишина.

Но вотъ за входомъ въ заливъ прошла тѣнь четырехтрубнаго судна. «Они» еще не успокоились. Изъ-за воды возникъ лучъ прожектора и уперся за нами въ обрывъ, гдѣ проступили корявыя вѣтки, камни и трещины. А лучъ уже метнулся въ небо, упалъ и началъ шарить въ заливѣ. Пискнули птицы. Загорѣлась вода. Лучъ, скользя, остановился въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ насъ и замеръ. Застыли и мы.

Гдѣ-то въ верстѣ отъ насъ человекъ замедлилъ свою работу; поверни онъ сейчасъ на волосокъ лѣвѣе, — мы были бы открыты.

Голубоватый свѣтъ освѣщалъ воду и на глубинѣ множество сбившихся въ стаю рыбъ. Ихъ было столько, что Курицынъ крикнулъ. Опять метнулась мышъ опалѣлымъ полетомъ, и капельки и ночныя бабочки толклись въ свѣту.

Лучъ закачался и внезапно прыгнулъ на вершину скалы; зубчатая верхушка ея засвѣтилась, и оттуда заклекоталъ ослѣпшій, недовольный орелъ. Мы вновь погрузились въ темноту и небытіе.

«Князь умеръ!» — повторяю это по-многу разъ и не могу понять. Умереть тамъ, на землѣ, — значитъ перестать видѣть, слышать, чувствовать. Тамъ говорятъ: «ушелъ отъ насъ. Умереть — значитъ остаться одному, въ совершенномъ одиночествѣ. Такъ думалъ, должно-быть, Іона, когда попалъ въ брюхо къ киту. Такъ сознаю и я, запаянный въ стальную коробку, погруженный на морское дно. Лежу, не шевелясь, въ темнотѣ, въ мертвой тишинѣ, сдавленный со всѣхъ сторонъ водою. Если бы я похолодѣлъ совсѣмъ, пересталъ двигаться, какъ князь, — многое ли бы измѣнилось? Почти ничего. Быть-можетъ, духъ

мой, еще привязанный къ ежедневнымъ обязанностямъ, освободился бы совсѣмъ, и только. Ёда мнѣ противна. Съ большими усилиями заставляю себя проглотить нѣсколько ложекъ бурды. Тащусь въ столовую и слѣжу, чтобы всѣ были за столомъ и ѣли. Оказывается, что чувство голода мучительно лишь первое время; затѣмъ наступаетъ переломъ, когда тѣло начинаетъ точно подтаивать, и вся сила переносится въ сознание; всѣ воспріятія обостряются. Полный желудокъ возбуждаетъ отвращеніе.

Это чувство физическаго угасанія необычайно блаженно. Бываютъ удивительныя минуты, — онѣ начинаются съ легкаго озноба, затѣмъ холодокъ пронизываетъ все тѣло, и перестаешь его чувствовать. Въ напряженномъ сознаніи возникаетъ чувство свободы и печали. Дѣйствительно, весь міръ, вмѣстѣ съ травой и звѣздами, — во мнѣ. Я растворенъ въ немъ тончайшимъ холодкомъ. Я свободенъ отъ всего. Но все же мнѣ печально, точно я не выполнилъ послѣдняго, самаго важнаго долга. Исполнивъ его, мой духъ не разостлался бы этимъ холодкомъ, а позналъ бы что-то иное, — не знаю, совершенное ли, но болѣе простое, земное, милое. Но какой долгъ? И что познать?

Сказалъ объ этомъ Яковлеву. Онъ помолчалъ и заплакалъ. Лежитъ теперь все время лицомъ къ стѣнкѣ, какъ князь, на его койкѣ, и не рассказываетъ больше сновъ»...

Подобными пространными разсужденіями наполнялъ теперь Андрей Николаевичъ листы дневника. Происшествій почти не было никакихъ. Сторожевыя суда продолжали зорко слѣдить за побережьемъ, освѣщая по ночамъ берега.

Консервы подходили къ концу и кончились. Остался неприкосновенный запасъ на одиѣ сутки, но тронуть его можно было только тогда, когда уже самой «Кэтъ» грозила бы неминуемая гибель. Андрей Николаевичъ даже прикинулъ въ умѣ, что человѣкъ шесть, если останутся въ живыхъ, еще смогутъ повести лодку, рискнуть и прорваться, а въ случаѣ неудачи взорвать «Кэтъ». Но пока жива почти вся команда, нужно отлеживаться на дни и ждать.

«Четверо уже больны цынгой, а пятый умираетъ отъ горячки, — писалъ затѣмъ Андрей Николаевичъ, — по никто изъ нихъ не попрекнулъ меня въ томъ, что подводная лодка цѣнится дороже многихъ человѣческихъ жизней. Въ самомъ дѣлѣ, умираютъ за знамя, за шелкъ, прибитый къ древку, а «Кэтъ» и знамя — лишь символъ, суровое напоминаніе о томъ, чтобы даже въ часъ упадка не забылся человѣкъ не считать себя свободнымъ отъ долговъ.

Господи, какъ трудно согласовать себя съ ними, съ людьми. Я хочу быть свободнымъ, не должнымъ, они требуютъ уплаты. Хочу жить, а имъ нужна моя смерть. Но если перестану бороться, отдамъ имъ себя всего и сразу стану пегоденъ, не нуженъ, какъ трупъ; а если откажусь отъ долговъ, закрою глаза, уединюсь, — почтутъ меня преступникомъ, и въ правѣ. Боюсь смерти, но еще больше — позора.

Курицынъ разрѣшаетъ все эти вопросы гораздо проще: «противъ рожна не попрешь». Сейчасъ явился ко мнѣ нагишомъ, въ однихъ закрученныхъ выше колѣна штанахъ, вокругъ головы обернуты лески съ крючками, за спиной — сѣтка, сказалъ: «Все равно окопѣвать, ваше благородіе, дозвольте, пойду — насчетъ рыбы попытаюсь». Пусть попробуетъ: удасться, продержимся лишнія сутки.

На разсвѣтѣ поднялись. Былъ густой туманъ; по нему ползали, щупали его огни прожекторовъ. Курицынъ скользнулъ безъ шума и поплылъ въ молочной, дымящейся водѣ. Черезъ минуту его не стало видно. Я обѣщаль назавтра, въ тотъ же часъ, подняться.

Весь день думаль: если останусь живъ, чего бы я хотѣлъ? Опять странствій? Веселыхъ приключеній? Какъ все ничтожно! Должно-быть, я на много лѣтъ постарѣлъ подъ водой. Мнѣ ничего не нужно, и все же никогда съ такою силою не хотѣлъ снова вернуться туда.

Яковлевъ говоритъ, что ему трудно умереть на койкѣ; онъ понимаетъ, что это, быть-можетъ, — высшій долгъ, но всеже хотѣлъ бы пострѣлять, потопить кого-нибудь и умереть отъ пули. Мальчикъ! Оцѣпенѣніе у него проходитъ, начинаетъ подбивать меня на рискованные поступки.

Вематриваюсь въ туманъ; вдругъ слышу всплескъ, и на палубу лѣзетъ мокрая голова Курицина; за спиной у него — сѣтка, полная рыбы. Отерся, говоритъ: «Коньячку бы мнѣ, ваше бррр...» И едва сошелъ внизъ и выпилъ стаканчикъ, свалился на половикъ и заснулъ. Рыбу вытащили на палубу, —хватить на трое сутокъ.

Оказывается, Курицынъ попросту пробрался днемъ по кустамъ и можжевельнику вдоль берега и опустошилъ рыбацкія сѣти. Обѣщался завтра пойти на уловъ за барашкомъ. Лицо у него, спина, руки ободраны, худъ такъ, что ребра торчатъ, какъ у лошадиной падали; при этомъ невѣроятно доволенъ. Попросилъ еще стаканчикъ коньяку и опять принялся рассказывать командѣ свои походы, при чемъ оказалось, что онъ успѣлъ также обольстить какую-то рыбацкую

дочь; подь конецъ же до того заврался, что старшій механикъ только плюнуть.

Исторія съ Курицынымъ волнуетъ меня ужасно. Я въ чемъ-то глубоко неправъ и повиненъ. За все это время, пока лежимъ на днѣ, умеръ князь, томится Яковлевъ, угасають матросы. А я только разсуждаю о добродѣтеляхъ, о долгѣ и смерти. Все это — душевный подвалъ; оцѣпенѣніе; мерзость!

Быть не одному, — вотъ! Одиночество, — вотъ смертельнѣйшій изъ грѣховъ. Пойти и наловить рыбы важнѣе, чѣмъ впотьмахъ рѣшить проблему смерти... Чортъ съ ней!

Писать больше не буду.

Сейчасъ поднимаемся. Слышна глухая мощная канонада. Въ морѣ идетъ бой».

IV.

... На этомъ оборвался дневникъ. Далѣе Андрею Николаевичу писать не было возможности: событія пошли стремительно, да и онъ самъ, выйдя изъ душевныхъ подваловъ, почувствовалъ себя не болѣе, какъ быкомъ, выскочившимъ на арену.

«Кэтъ» вынырнула въ бѣлый, клубящійся туманъ. Отъ гула и грохота дрожали берега. Мощные, круглые залпы и взрывы чередовались съ частой трескотней. Казалось, кашляли, дули другъ на дружку, ревѣли морскіе черти. Надъ «Кэтъ» пронеслась ошалѣвшая чайка.

— Андрей Николаевичъ, скорѣе, пора, прорвемся! — повторялъ Яковлевъ, держась за перила, стуча зубами.

Приготовленія были окончены. Сильный вѣтеръ заколебалъ туманъ и погналъ его клочьями, обнаживъ мокрый выступъ скалы. Изъ люка поднялось опухшее съ покрасѣвшими глазами лицо Курицына.

— Готово! — крикнулъ онъ съ такой силой, что напряглись жилы, но голосъ едва былъ слышенъ. Андрей Николаевичъ махнулъ рукой, и «Кэтъ» полнымъ ходомъ вылетѣла изъ залива на волю. Выстрѣлы были сзади и съ правой стороны, путь въ Ганге свободенъ.

Все, что вынесли за эти двѣ недѣли, лежа на морскомъ днѣ, Андрей Николаевичъ, Яковлевъ и команда, — отчаяніе, оцѣпенѣніе, смерть наяву и примиренность, — все это преобразилось сейчасъ въ одну волю, и, казалось, мало было стремительнаго бѣга лодки, разрѣзающей туманную воду на двѣ волны.

Прорваться, провести «Кэтъ» невредимой въ портъ, исполнить только долгъ, — теперь это было слишкомъ ничтожно. Воля требовала о щ у т и м а г о. Такъ быкъ, что стоитъ посреди арены, медлитъ и дышитъ тяжело, и вдругъ бросается на всадника, чтобы всадить рога.

Андрей Николаевичъ еще колебался; но теперь не отвага руководила имъ, не расчетъ, и увлеченіе, а только жадность. Корабли, люди, земля, вотъ-вотъ взлетящее въ пожелтѣвшемъ туманѣ солнце, — все это было «мое», о щ у т и м о е, желанное. И то, чего желала душа, — разрушить; не казалось разрушеніемъ. Хотѣлось овладѣть, коснуться всего живого (пусть при этомъ взлетитъ корабль), безъ различія, добро ли это, зло, смерть или жизнь. Только одна эта воля бушевала въ немъ, — жажда, жадность, о щ у щ е н і е всего.

— Нельзя намъ такъ уходить, поверните или я застрѣлюсь, — закричалъ въ ухо Яковлевъ, совсѣмъ одичавшій, съ перекошеннымъ, землистымъ лицомъ.

Солнце появилось, наконецъ, огромнымъ шаромъ, и подъ туманомъ еще не ясно зашевелилась оранжевая вода. Гдѣ-то близко слѣва гнались, грохотали невидимые корабли.

Вѣтеръ усилился. И вдругъ выступила въ облакахъ и дыму сѣрая громада; закуталась, прогрохотала, и ясныѣ стали видны очертанія башенъ, трубъ, мачтъ, весь профиль, надъ которымъ плескало знамя съ чернымъ орломъ.

Не сдерживаясь больше, видя, что можно, съ перехваченнымъ отъ волненія горломъ Андрей Николаевичъ прыгнулъ въ люкъ, сбиль съ ногъ Яковлева и самъ сталъ заряжать минный аппаратъ. «Кэтъ» опустилась и шла теперь «наперерѣзъ».

Тѣнь непріятельскаго корабля, покачиваясь, скользила по перископному зеркалу и поминутно покрывалась облакомъ съ мелькающими въ немъ иглами выстрѣловъ. «Кэтъ» выпустила мину, но она прошла у того за кормой. Наклонясь, закусивъ до крови губу, Андрей Николаевичъ разглядывалъ маленькій этотъ тѣневой корабликъ, одинъ снарядъ съ котораго билъ въ непріятельскій бортъ съ силою тридцати миллионовъ пудовъ. «Кэтъ» и корабль сближались, тѣнь его занимала половину стола, и вдругъ начала поворачивать..

— Вторую, — крикнулъ Андрей Николаевичъ.

И въ это время на «Кэтъ» рухнулъ ударъ, раздался трескъ, и зеркальный столикъ погасъ. Андрей Николаевичъ, выскочилъ изъ рулевой будки, крикнулъ:

— Перископъ сбить! Полный ходъ впередъ!

Механикъ, ухватившій рычагъ, не оборачиваясь, переспросилъ:

— Куда?

— Впередъ, впередъ, къ черту!

У миннаго аппарата на корточкахъ сидѣлъ Яковлевъ, крикнулъ что-то и выплюнулъ кровью. Андрей Николаевичъ прильнулъ къ стеклу иллюминатора...

За нимъ крутились тѣнныя струи. И вотъ, заслоня свѣтъ, показалось темное, корабель-

ное днище. Оно было не дальше, какъ въ десяти саженьяхъ. Андрей Николаевичъ скомандовалъ «Стопъ. Пускай вторую мину. Ходъ назадъ, самый полный!» И закрылъ глаза. Это былъ конецъ всему. Какъ жаль, что пришлось упереться въ днище, а силъ хватило бы на большее.

Андрея Николаевича швырнуло въ корридоръ, приподняло, ударило въ стѣну и потащило внизъ. Крики и трескъ обшивки покрылись глухимъ грохотомъ падающей воды. Свѣтъ потухъ. «Кэтъ» закрутилась и пошла на дно.

Силой взрыва и воды «Кэтъ» далеко отшвырнуло отъ тонущаго корабля и затянуло на большую глубину. Обшивка дала трещины; текло также сквозь сальники разбитаго перископа. Моторы не работали. Въ общемъ лодка больше походила на поплавокъ, внутри котораго въ темнотѣ стонали и храпѣли оглушенные, израненные люди. На глубинѣ она пробыла недолго: освобожденная отъ тяжести двухъ минъ, медленно всплыла, немного не дошла до поверхности, остановилась и незамѣтно, по мѣрѣ того, какъ наливалась въ нее сквозь пораненія вода, начала тонуть.

Первымъ очнулся Курицынъ, упавшій на половикъ въ пустомъ корридорѣ; осторожно поднялся на четвереньки, прислушался и поползъ въ машинное отдѣленіе, гдѣ, чиркая спичками, отыскалъ механика и сталъ тереть ему уши.

Когда это не помогло, онъ подтащилъ кислородный бакъ и открылъ кранъ прямо ему въ лицо.

Механикъ первымъ дѣломъ ухватился за разбитую колѣнку.

— Ты колѣнку оставь, — сказалъ Курицынъ, — слышишь, вода шумить. Тонемъ. Машину наладить можно?

— А кто ее знаетъ — шопотомъ отвѣтилъ механикъ.

Тогда Курицынъ зажегъ свѣчу и пустилъ кислородъ изъ всѣхъ резервуаровъ. Отъ живительнаго, какъ грозовой воздухъ, газа зашевелились матросы; кто лѣзъ изъ темнаго люка, держась за голову; кто силился подняться и опять падалъ.

Андрея Николаевича нашли въ узкомъ проходѣ, едва вытащили оттуда, но привести въ сознание не могли и отнесли на койку, кое-какъ наложивъ повязки на голову и грудь.

Посутились-было около Яковлева и прикрыли куртками и его, и еще двухъ артиллеристовъ, тоже переставшихъ стонать. Курицынъ поставилъ всѣхъ, кто могъ работать, къ ручнымъ помпамъ. Ими до починки машины можно было бороться только съ поступавшей въ трещины водой. Механикъ и двое подручныхъ возились съ моторомъ, стучали ключами, и всѣ съ тоской прислушивались къ этому лязгу.

«Кэть» была гдѣ-то недалеко отъ поверхности, но гдѣ — узнать нельзя, потому что перископъ и указатель разбиты. Отвинтить же люкъ и выглянуть было слишкомъ опасно, — могла хлынуть вода.

Наконецъ, механикъ сказалъ, что надо мѣнять цилиндръ, — хватило бы свѣчей. Курицынъ принялся ругать механика, свѣчные заводы, моторы и того, кто ихъ выдумалъ. Затѣмъ напустился на команду у насосовъ и приказалъ околѣть, а поднять лодку хоть на аршинъ. Матросы молчали угрюмо. Механикъ плюнулъ, выругался и бросилъ ключъ. Кто-то сказалъ: «Шабашъ, ребята!» — и помпы остановились.

Теперь слышался только мокрый, однообразный, смертельный плескъ воды, падающей на перископный столъ.

Хришловатымъ голосомъ Курицынъ проговорилъ:

— Идите-ка двое кто за мной, отвинтить надо люки, чѣмъ такъ-то ждать.

Двое, кажется, или трое вслѣдъ за нимъ пробрались ощупью въ корридоръ, влѣзли по отвѣсной лѣсенкѣ къ выходному люку и ухватились за скобы. Кто-то сказалъ: «Да, пришло». «Молчи, знай свое дѣло», — отвѣтилъ Курицынъ. И еще кто-то вздохнулъ: «Водищи-то чай надъ нами, — вотъ хлынетъ».

И въ это время наверху раздалась стукъ и шаги. Тамъ были люди. Курицынъ скороговоркой сказалъ:

— Маршъ къ кингстонамъ! Выстрѣлю — открывать! Лодку сдавать не приказано.

Затѣмъ, держа револьверъ въ зубахъ, нажалъ на скобы, крышка подалась и въ щель хлынулъ рѣзкій свѣтъ и воздухъ.

— Эй, кто тамъ ходитъ? — спросилъ Курицынъ. — Какіе люди?

— Свои, свои, — отвѣтилъ лѣнивый голосъ.

— О, Господи!

Андрей Николаевичъ, ударившись давеча головой о желѣзную стѣнку, увидѣлъ два снопа зеленоватыхъ искръ. Затѣмъ стало темно и глухо. Но одна искорка осталась въ глазу и понемногу стала разливаться въ мигающій свѣтъ.

Онъ былъ ровный и голубоватый. Андрей Николаевичъ долго созерцалъ его.

Затѣмъ началось безпокойство о томъ, что въ свѣту находится что-то постороннее. Хорошо, если бы оно исчезло и растворилось, но оно не пропадало и было, какъ камень...

Не уменьшался и свѣтъ, но не доставлялъ уже прежней радости; постороннее мѣшало ему; приходилось удѣлять много вниманія, чтобы узнать, что это такое.

Андрей Николаевичъ сосредоточился и съ

удивленіемъ, испугомъ, тоской попяль, что постороннее это — онъ самъ.

Тогда свѣтъ превратился въ простую синеватую лампочку надъ койкой, а тѣло Андрея Николаевича начало болѣть во многихъ мѣстахъ. Когда же онъ почувствовалъ крутую качку миноносца и стукъ его машины, то попробовалъ повернуться, застоналъ и погрузился въ живую темноту сна.

Такъ началось медленное его возвращеніе къ жизни.

«Кэтъ» шла на буксирѣ за миноносцемъ. На кубрикѣ его Курицынъ, растопыривъ пальцы а въ другой рукѣ держа стаканчикъ, рассказывалъ разинувшимъ ротъ матросамъ про битвы и подвиги; при этомъ старался не хвастать и не врать, но это ему удавалось плохо, — слишкомъ крѣпокъ былъ въ стаканчикѣ ромъ, да и кромѣ того давеча командиръ миноносца капитанъ второго ранга Громобоевъ, лично хлопнулъ Курицына по плечу, нѣкоторое время поминалъ всѣхъ чертей, затѣмъ своихъ и Курицына предковъ и сказалъ подъ конецъ самую суть: «Молодецъ! Представляю!»

Съ высокихъ носилокъ, качавшихся на плечахъ четырехъ матросовъ, Андрей Николаевичъ глядѣлъ на свѣжее, синее небо на черепичныя, очень красныя крыши домиковъ, на кудрявыя деревья, уходящія въ гору, съ обѣихъ сторонъ чистенькой мостовой.

Большая толпа окружила носилки, но Андрей Николаевичъ видѣлъ только шапки, шляпы и перышки. Курносая, ослабленная рожа поднялась въ уровень его лица, сказала «живой» и скрылась. Кто-то неподалеку заговорилъ; толпа затихла и вдругъ зашумѣла, точно вѣтеръ налетѣлъ, и на грудь Андрея Николаевича упалъ пучекъ бѣлыхъ гвоздикъ. Снѣ закрѣлъ глаза, утомленный роплымъ,

точно печенымъ запахомъ земли. «Дорогу, дорогу, дорогу!» — повторяли матросы.

Когда улица, ведущая въ гору, завернула, онъ опять открылъ глаза и, преодолевая подъ повязкой боль, раздвинулъ губы въ улыбку. На овальномъ, темнѣе неба, заливѣ лежали военные корабли; недалеко отъ, сходясь виднѣлись остатки мачты и разбитый мостикъ родной «Кэтъ». Большая толпа въ искоркахъ небеснаго свѣта казалась ярко-черной. Отъ нея ползли въ гору девять носилокъ. И нежаркое, хрустальное солнце дѣлало особенно отчетливыми деревья, домики, людей и корабли въ заливѣ, лежащемъ, какъ зеркало, у подножія городка. Это была уютная старая земля, съ печами и надежными разговорами.

Андрея Николаевича положили въ лазаретъ въ отдѣльную комнатку, задернувъ на длинномъ и низкомъ окнѣ бѣлыя занавѣси. Онъ пропускали молочный свѣтъ и шевелились отъ вѣтра, а по вечерамъ ложился на нихъ тѣневой переплетъ рамы. Улица — тихая, рѣдко протарахтитъ экипажъ, пройдетъ неспѣшно прохожій. Да слышно, какъ вдаль кѣ, въ гавани, печальный рожокъ играетъ зорю.

Просынаясь, Андрей Николаевичъ слушалъ эти звуки, отдаленный говоръ, шелестъ листьевъ, умоляющій вальсъ шарманки; сквозь полузакрытыя вѣки глядѣлъ на теплую штору, и пробужденіе кончалось всегда чувствомъ блаженнаго покоя...

Онъ видѣлъ много сновъ: то какую-то усадьбу съ прудами и подсолнухами, то вѣтряныя мельницы на бугрѣ, то шалашъ караульщика, себя ростомъ въ аршинъ, и кругомъ жемтыя, спѣлыя дыни. Разбуженный, — пилъ бульонъ и спѣшилъ вновь закрыть глаза, чтобы подъ звуки и шорохи снова задремать.

Затѣмъ сны перешли въ воспоминанія не близкаго прошлаго, а какихъ-то давно забытыхъ маленькихъ случаевъ, получившихъ теперь большое значеніе. И воспоминанія, какъ и сны, были пронизаны голубоватымъ свѣтомъ, отнимавшимъ у вещей грубость и тяжесть; отъ этого онѣ становились особенно отчетливыми и значительными. Это было то же чувство, когда онъ глядѣлъ съ носилокъ на городокъ и гавань.

Наконецъ, Андрею Николаевичу позволили сѣсть на постели и въ первый разъ отдернули штору. На той сторонѣ улицы онъ увидалъ два тополя; между ними — одноэтажный домикъ и синюю вывѣску «Табачная лавка». У дверей стоялъ хозяинъ въ коричневомъ жилетѣ, сѣдой человѣкъ, и курилъ трубку. Мимо шла дѣвочка съ косицей, въ веснушкахъ и грызла яблоко, должно-быть, кислое, потому что дѣвочка крѣпко жмурилась.

Андрей Николаевичъ окликнулъ ее. Она влѣзла вмѣстѣ съ яблокомъ на подоконникъ, раскрыла ротъ, глаза и подняла рыжія бровки. Онъ попросилъ сбѣгать въ лавочку купить бумаги и конвертъ.

«Милый, добрый человѣкъ, Татьяна Александровна, — писалъ онъ на слѣдующій день, — теперь начинаю понимать, что я совершилъ кругосвѣтное путешествіе и вновь возвратился къ вамъ. Казалось, я не думалъ о васъ все это время, но вы присутствовали незримо, были со мной и на днѣ моря, и въ битвѣ, и въ послѣднемъ отчаяніи; я угадывалъ васъ въ утренней зарѣ и въ закатѣ, и въ веселомъ прыжкѣ дельфина изъ волны въ волну. Во всемъ: и въ жаждѣ, и въ тоскѣ по чему-то близкому и утерянному, вы (или вѣрнѣе, то, что возникло между нами въ липовой аллеѣ, отъ чего, не понимая, я легкомысленно бѣжалъ

въ поискахъ приключеній) указывали мнѣ единственный вѣрный путь — заглянуть въ себя, измѣрить призрачную, смертельную пустоту одиночества и отказаться отъ себя навсегда; покуда я одинъ, — меня нѣтъ, я — глухой, ослѣпшій, безкровный призракъ! Теперь я понимаю: «блаженны нищіе духомъ». Но лишь тѣ блаженны, кто вернется на землю для любви: удивительна земля и чудесно будущее. Милый другъ, я только сейчасъ начинаю жить, а уже сердце полно невыразимымъ чувствомъ, — какимъ, еще не знаю. Благодарю васъ за доброту и за строгость»...

№ 18-19. Гр. Ал. К. Толстой. Царь Федоръ
Юанновичъ.

№ 20. Тэффи. Стамбуль и солнце.

№ 21. А. П. Чеховъ. Мелкія пьесы.

№ 22. В. Г. Короленко, Разказы.

№ 23. Юрій Слезкинъ. Чемоданъ.

№ 24-25. Л. Н. Толстой. Крейцерова соната.

№ 26. И. Ѳ. Горбуновъ. Разказы.

№ 27. А. Н. Апухтинъ. Лирика.

№ 28. А. П. Чеховъ. Юморист. разказы.

№ 29-30. Гр. Ал. К. Толстой. Царь Борисъ.

№ 31-32. Ѳ. Достоевскій. Бѣлыя ночи. —
Ползунковъ. — Честный воръ. — Елка и свадьба.

№ 33. Л. Толстой. Дьяволь.

№ 34. А. П. Чеховъ. Дѣтвора.

№ 35. А. И. Герценъ. Долгъ прежде всего.
(Повѣсть).

№ 36. Бернгардъ Келлерманъ. Святые.

№ 37. Н. В. Гоголь. Игроки. — Утро дѣло-
вого челоуѣка. — Лакейская.

№ 38. С. Я. Надсонъ. Стихи.

№ 39. А. П. Чеховъ. Бытовые разказы.

№ 40. А. С. Пушкинъ. Сказки.

№ 41. А. М. Дроздовъ. Чертополохъ.

№ 42. А. Н. Майковъ. Стихи.

№ 43. Н. А. Некрасовъ. Русскія женщины.

№ 44-45. Л. Толстой. Власть тьмы.

№ 46. А. И. Герценъ. Русскій народъ и
соціализмъ.

№ 47. Н. С. Лѣсковъ. Леди Макбетъ Мцен-
скаго уѣзда.

№ 48. Л. Толстой. Отецъ Сергій.

№ 49. Гр. Ал. К. Толстой. Лирика.

№ 50-51. Антологія современной поэзіи.
(Анненскій, Ахматова, Волошинъ, Гумилевъ и др.)

№ 52. Н. С. Лѣсковъ. Лѣвша. — Пустоплясы.

- № 53. Л. Толстой. Живой трупъ.
- № 54. М. Ю. Лермонтовъ. Поэмы.
- № 55. Вл. Крымовъ. Странные рассказы.
- № 56. М. Ю. Лермонтовъ. Лирика.
- № 57-58. Поэзія революціонной Москвы.
Подъ ред. И. Эренбурга.
- № 59. Владимиръ Соловьевъ. Еврейство
и хрисіанскій вопросъ.
- № 60. Илья Эренбургъ. Кануны. (Стихи
1915-1921 г.)
- № 61. И. И. Мясницкій. Смѣха ради.
- № 62. С. Л. Поляковъ. Лабиринтъ.
- № 63. Эдгаръ Поэ. Золотой жукъ.
- № 64. Ф. Ивановъ. Узоръ старинный.
- № 65. И. Василевскій (Не Буква). Лите-
ратурные силуэты.
- № 66-67. Н. Гумилевъ. Жемчуга.
- № 68. Н. Гумилевъ. Дитя Аллаха.
- № 69. Гр. Ал. Ник. Толстой. День Петра.
- № 70. Гр. Ал. Н. Толстой. Прекрасная дама.
- № 71-72. Антологія современной нѣмец-
кой поэзіи.
- № 73. Алексѣй Ремизовъ. Пѣтушокъ.
- № 74-75-76. Ф. Достоевскій. Записки изъ
подполья.
- № 77. Гр. А. К. Толстой. Баллады.
- № 78. А. Гольденвейзеръ. Якобинцы
большевики (психологическія параллели)

Цѣна выпуска 4 марки.

(двойные — 8 марокъ).

Для странъ, имѣющихъ высшую, противъ германской
валюту, надбавка въ 100%.

ЦѢНА 4 МАРКИ.